ПРАВО ПОМНИТЬ

МИША ЛАГУТИНА

Миша Лагутина

Право помнить

«Автор»
2026

Лагутина М.

Право помнить / М. Лагутина — «Автор», 2026

2091 год. Человечество научилось избавляться от болезненных воспоминаний. Больше не нужно годами переживать расставания, обиды и потери. Достаточно нескольких минут в кабинке очистки - и жизнь снова становится спокойной. Но если воспоминание можно стереть, как узнать, что именно ты потерял? И всегда ли человек забывает то, что действительно хочет забыть?

© Лагутина М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 10
Глава 3 16
Глава 4 25
Глава 5 34
Глава 6 44

Миша Лагутина
Право помнить

Глава 1

Глава 1

— Есть ли что-то, что вы не хотите забывать?

Лиза вздохнула, поправила волосы. Система задала стандартный вопрос, который она слышала уже много лет почти ежедневно.

— Нет, удаляй.

— Подтверждение принято. Начинаю очистку. Пожалуйста, закройте глаза.

Лиза закрыла глаза. Она чувствовала себя совершенно спокойно. В маленькой белой полукруглой будке, остеклённой с двух сторон, она всегда ощущала себя в большей безопасности, чем где-либо ещё. Особенно ей нравился подогрев сиденья. В таком кресле она готова была провести вечность. Она любила это лёгкое, почти незаметное жужжание техники, размеренный голос системы и ненавязчивый запах жасмина.

Раньше процедура очистки была долгой и болезненной, словно поход к врачу, который Лиза так не любила. Удалить воспоминание тогда было почти как сходить к стоматологу. Теперь же всё стало гораздо проще.

— Коррекция завершена. Эпизод заблокирован, исходные данные сохранены в архиве. Ваше эмоциональное состояние соответствует норме. Удачного дня!

— И тебе самого лучшего дня, Мира!

Лиза улыбнулась и снова глубоко вздохнула. Теперь воздух казался ещё более свежим и приятным.

Когда она вышла из будки очистки памяти, неприятные воспоминания о вчерашнем вечере уже померкли. Она помнила только, что ходила на свидание. Его звали Артём. От него пахло одеколоном с хвойными нотками и жареным луком, а Лиза терпеть не могла запах жареного лука — от него у неё всегда слезились глаза. Всё остальное померкло, словно экран смартфона: она не помнила ни о чём они говорили, ни почему свидание закончилось неудачно. Хотя это было к лучшему. Негативные эмоции только мешали работе и жизни.

Лиза огляделась. Один мужчина смотрел в тонкий, почти прозрачный смартфон, ожидая своей очереди в будку. Двое сотрудников архивной службы, уже прошедших очистку, яростно обсуждали право на восстановление памяти и то, насколько человек действительно распоряжается воспоминаниями, которые однажды решил вычеркнуть из своей жизни.

Кто-то тронул Лизу за плечо. Она обернулась. Её коллега Маша улыбалась и указывала на часы.

— Ещё немного — и мы впадём в немилость.

— Да, прости, я отвлеклась. Как прошла твоя очистка?

— Сказали, после работы нужно идти к куратору, — Маша слегка поморщилась, приложила ладонь к турникету и прошла в большой зал.

— Что-то случилось? — Лизе не очень хотелось знать подробности Машиных переживаний.

— Да всё из-за мамы. У меня опять несогласованность эмоциональных связей. Система говорит, что слишком много связанных эпизодов и обычной очистки недостаточно. Я же тебе рассказывала, что мама принципиально не чистится и постоянно учит меня жизни. Ох уж это старшее поколение, думают, что всегда правы.

— Тебе тогда действительно стоит сходить к куратору, — сказала Лиза, когда они зашли в прозрачную кабину лифта.

— Самое ужасное, что мама считает, будто нам с мужем нужно развестись. Да, у нас бывают ссоры и всё такое. Но это же как у всех. Кстати, как прошло твоё свидание?

Лиза только пожала плечами. Она уже думала о том, как сейчас спрячется в своём кабинете, с помощью Миры распишет задачи на день и наконец приступит к работе.

Двери лифта открылись.

— Удачного дня! — Лиза улыбнулась коллеге. — И сходи к куратору.

Маша улыбнулась в ответ. В её глазах Лиза заметила какую-то недосказанность, но размышлять о чужих проблемах считала излишним. Каждый нёс ответственность за собственные эмоции самостоятельно. Этому учили ещё в школе, на уроках психологической гигиены.

Возможно, Маша, которая была младше Лизы на пару лет, ещё не до конца усвоила этот урок.

Лиза опустилась в своё любимое кресло. Вместе с Мирой расписала дела на день, обсудила возможности поставки оборудования в отдалённые регионы, где местные центры не всегда соглашались устанавливать станции очистки памяти.

Её кабинет был небольшим, но уютным. Светлые стены, широкий рабочий стол со встроенным экраном, несколько живых растений и огромное панорамное окно, занимавшее почти всю стену. За ним высились стеклянные небоскрёбы, на фасадах которых непрерывно сменялись рекламные видеобаннеры. На одном из них женщина с безмятежной улыбкой закрывала глаза, а следом появлялась надпись:

«Главное не забывается»

Лиза скользнула взглядом по экрану и снова вернулась к работе.

Мира была её личным помощником, подругой, нейросетью, с которой Лиза провела всю сознательную жизнь. Они вместе росли, вместе влюблялись. Точнее, влюблялась Лиза, а Мира помогала ей переживать расставания. Мира помнила даже то, что забывала сама Лиза. Помогала изучать языки, планировала день, рассказывала новости и давно стала частью её жизни, без которой Лиза уже не представляла своего существования.

Лиза откинулась в кресле, сняла очки и потёрла переносицу. Рассчитать расход энергии, стоимость и сроки доставки оборудования Мира могла с поразительной точностью, но вот убедить партнёрский центр в соседнем регионе в необходимости установки станции очистки ей было не под силу.

Лиза поправила бежевый, почти невесомый наушник в ухе.

— Мира, что у нас на обед?

— На обед у нас ещё пара анкет! Нужно определиться, с кем ты сегодня пойдёшь ужинать.

Похоже, после помощи с уроками, экзаменами и работой Мира поставила перед собой новую цель — устроить личную жизнь Лизы.

— Уф, может, сегодня без ужинов?

— Но у меня есть отличный кандидат! Михаил, чуть старше тридцати. Работает в смежном отделе маркетинга. Увлекается лыжным спортом, а ещё у него есть кот.

— Кот, говоришь…

Лиза слегка поёжилась. Ей почему-то вспомнился Артём, с которым она провела вчерашний вечер. Воспоминания о встрече побледнели, но тело словно выдвигало свои контраргументы против очередного ужина.

— У тебя немного повысился уровень тревожности. Стоит ли мне беспокоиться?

— Нет, Мира. Куда мы пойдём сегодня с Михаилом?

— Я подобрала очень уютный французский ресторан. Есть свободный столик на семь вечера. Подтвердить встречу?

— Подтверждай. То есть я ещё успею выбрать цветы маме после работы?

— Совершенно верно!

Пока Мира занималась личной жизнью Лизы, та спустилась в столовую, где уже было многолюдно.

— Есть четыре свободных столика, — сообщила Мира. — Могу занять один.

— Да, пожалуйста. И поближе к окну.

За обедом Лиза беседовала с Мирой о прошедшем утре, прогнозах продаж, логистических сложностях доставки аппаратуры и последних новостях. Краем уха она слышала, как коллеги за соседним столиком спорили о повышении ставок на жильё и обсуждали мужчину, который уволился ради открытия собственного бизнеса.

Быть предпринимателем в условиях господства крупных корпораций было отчаянным шагом. Высокие ставки на жильё, отсутствие корпоративных льгот на продукты и медицину, а самое главное — ежедневной очистки за счёт работодателя.

Лиза не понимала, как можно во времена всеобщей эмоциональной защиты добровольно оставаться настолько беззащитным.

Лиза долго выбирала букет. Гладиолусы, розы, гортензии — ей не нравилось ничего. В итоге она остановилась на орхидее, которые так любила выращивать её мама. Без сомнения, одну из комнат в родительском доме полностью отдали во владение этим цветам. Лиза приподняла очки, утвердительно кивнула на жёлтую орхидею и подошла к терминалу. Выбрала нужное растение, улыбнулась камере над экраном, и на очках высветилось уведомление о списании денег со счёта. На выходе она взяла ещё букет белых хризантем в бумажной упаковке и вышла на прохладный осенний воздух.

Город жил своей жизнью.

Транспорт то и дело сновал по улицам. Люди спешили по своим делам, разговаривали, казалось, сами с собой. Порой поднимали руки, что-то выбирали в пустоте перед собой. Каждый общался со своим помощником, жил своей жизнью, заказывал продукты, не заходя в магазин, разговаривал с друзьями, успевая перебегать дорогу.

Все были одеты довольно легко, в тонкие куртки, хотя северный ветер уже сулил смену погодного фронта. В воздухе стоял запах дождя, а первые осенние листья не успевали коснуться асфальта, как к ним подъезжал маленький уборщик с баком и зажёвывал их, не давая в полной мере насладиться осенью.

Лиза подняла взгляд на противоположную сторону дороги и заметила мужчину, который тоже смотрел на неё. На нём было длинное чёрное пальто, резко выделявшееся среди бежевых и белых курток прохожих. Он стоял, спрятав руки в карманы.

Подул ветер, и вместе с ним Лиза почувствовала, как по телу пробежали мурашки. Ей в голову пришла совершенно абсурдная мысль: будто она уже стояла здесь, уже видела этого человека и всё это однажды происходило. Ноющее чувство дежавю подобралось незаметно.

Лиза небольшим усилием воли отмахнулась от него и направилась во французский ресторан на углу улицы.

Михаил уже ждал её там. Лиза немного напряглась, но тут же протянула ему букет белых хризантем.

— Я подумала, что тебе будет приятно, и…

— Немного неловко, да. Согласен, — Михаил улыбнулся, принимая цветы. — Виктор сказал мне, что купить цветы будет хорошей идеей, но я почему-то… В общем, извини. Я давно не ходил на свидания.

— Правда? А я вот вчера была. Виктор? Твой помощник?

— Да, он отчаянно хочет, чтобы я наконец женился.

— Такая же история!

Лиза почувствовала, что они с Михаилом нашли ту самую ниточку, за которую часто цепляются будущие любовники на первом свидании. Незримое чувство похожести, которое можно только почувствовать и которое не требует объяснений.

Михаил был высоким, слегка сутуловатым, с отличным чувством юмора и обаятельной улыбкой. Он рассказывал про своего кота, про Виктора, и Лизе было интересно его слушать. Более того, ей хотелось узнать о нём ещё больше.

От Михаила приятно пахло чем-то похожим на жасмин. Тем самым запахом, который так нравился Лизе в будках очистки. От этого она расслаблялась ещё сильнее.

Начался дождь. Люди заходили в ресторан промокшие, стряхивали капли с одежды и торопливо складывали зонты. Запах мокрого асфальта проникал в уютное помещение вместе с прохладным воздухом.

Лиза, уже снявшая очки, перевела взгляд на улицу и среди отражений фар и света вывесок снова увидела того мужчину в чёрном пальто.

Он смотрел на неё и не отводил взгляда.

Сердце забилось быстрее. Лиза попыталась вернуться к разговору с Михаилом, но никак не могла сосредоточиться на его словах. Она извинилась и направилась в уборную, решив поговорить с Мирой наедине.

— Мира, Мира, — Лиза надела наушник. — Ты видела этого мужчину в пальто?

— Сейчас нет. Ты сняла очки, поэтому у меня нет визуального доступа. Что-то случилось? Твой пульс заметно участился.

— Мне кажется, что… Впрочем, может, это ошибка. Я могу знать его? Или он меня?

— Возможно, вы уже встречались. В одном районе люди нередко пересекаются с одними и теми же прохожими. Но я пока не могу установить, знакомы ли вы. Это сильно тебя тревожит?

— Да! Нет. Не знаю, Мира. Он был возле цветочного, там очки были на мне. Чёрное пальто. На нём было чёрное пальто.

— Я поняла. Но ты же знаешь, я не сохраняю изображения всех прохожих. Могу проверить доступные данные за время твоего посещения магазина, хотя их может оказаться недостаточно.

— Мне кажется… У меня было дежавю.

— Ощущение знакомости не всегда связано с реальным воспоминанием. Иногда мозг ошибочно воспринимает новую ситуацию как уже пережитую. Но если этот человек вызывает у тебя тревогу, не стоит её игнорировать. При повторной встрече мы можем зафиксировать описание и обратиться в службу безопасности.

— Думаешь, это просто совпадение?

— Пока у нас недостаточно оснований утверждать обратное. Я рекомендую завтра обсудить этот эпизод во время плановой очистки. А сейчас ты находишься в общественном месте, и непосредственных признаков угрозы нет.

— Да, наверное.

— Как проходит твоё свидание?

Лиза невольно улыбнулась.

— Снижаешь мою тревожность вопросом про свидание?

— Пытаюсь переключить твоё внимание на что-нибудь приятное.

— Человечество научилось жить с нейросетями, но так и не научилось не замечать, когда они переводят тему.

— Значит, Михаил тебе понравился?

— До встречи дома, Мира!

Лиза посмотрела в зеркало, поправила макияж и вышла из уборной.

Михаил смотрел в тонкий прозрачный смартфон у себя в руке и поднял глаза, как только Лиза оказалась в поле его зрения.

— Это твоя страница? — спросил он, поворачивая к ней экран.

Лиза улыбнулась.

Остаток вечера они провели за разговорами о лыжах, котах и её лимонном дереве в квартире. Тревога постепенно отступила, хотя Лиза то и дело поглядывала в окно. Мужчины там уже не было. Только свет фар и вывесок отражался в окнах ресторана и лужах на асфальте.

Глава 2

Глава 2

— Есть ли что-то, что вы не хотите забывать?

В памяти Лизы сразу вспыхнул образ мужчины в чёрном пальто. Но почему-то она не сразу решилась на очистку этих воспоминаний.

Когда Лиза вышла из кабины, она помнила, что видела этого мужчину, но уже не могла вспомнить чувство дежавю и тревогу, которые испытала при встрече с ним. В памяти остался лишь его образ, запечатлённый дважды: на улице и возле ресторана.

Сегодня предстоял сложный рабочий день, и Лиза решила не отягощать его лишними эмоциональными переживаниями. Впереди были выходные, которые она хотела провести спокойно, без очистки и ненужных тревог. Тем более что следующая неделя была санитарной. Все в компании оживлённо обсуждали, как собираются её провести.

Каждый год на время санитарной недели корпоративные станции прекращали плановую очистку. Многие рабочие процессы приостанавливались, люди брали отпуска или переходили на работу из дома, лишь бы лишний раз не сталкиваться с негативом.

Эти дни были необходимы инженерам, чтобы проверить целостность архивов, провести диагностику оборудования, заменить изношенные элементы и обновить системы. Станции поочерёдно отключали от основной сети, переводя необходимые процессы на резервные мощности. Экстренные медицинские центры продолжали работать, но обычная ежедневная очистка на целую неделю становилась недоступной.

Эта ежегодная практика позволяла людям весь следующий год не думать о том, что в системе что-то могло прийти в негодность, а их воспоминания хранились в архивах именно в том виде, в каком они когда-то доверили их машинам.

Лиза решила, что на эту неделю просто перейдёт на работу из дома. Тем более Мира советовала пока не брать отпуск: ещё два года плодотворной работы — и Лиза сможет не только получить повышение, но и улучшить качество жизни, купив новую квартиру. Новая должность — новые привилегии.

Лиза помнила, с каким трудом выгрызала себе место в транспортно-логистическом отделе, который занимался поставками оборудования для станций очистки, только начинавших работать в отдалённых регионах страны. Теперь ей совсем не хотелось терять карьерные перспективы.

Правда, на работе Лиза то и дело отвлекалась на сообщения Михаила. Они работали в одной компании, но никогда раньше не пересекались. Его отдел находился в десяти кварталах от её, а это было уже значительное расстояние. Ресторан, в котором они сидели вчера, располагался как раз посередине.

Сама Лиза жила всего в двух кварталах от работы и порой специально делала круг-другой, чтобы просто послушать музыку. Всё было рядом, и этот комфорт, к которому она так долго стремилась, хотелось сделать ещё больше.

После работы Лиза заехала в торговый центр, чтобы купить подарок Насте — подруге детства, с которой они дружили ещё со школы. Жизнь то разводила их, то сталкивала вновь. Они виделись пару раз в год: весной и осенью. Обсуждали работу, мужчин, планы на Новый год и летний отпуск, а потом снова расходились по своим жизням.

Лиза нашла для Насти отличную ароматическую свечу с запахом чабреца и ванили.

Она не очень любила ходить по магазинам, но, когда дело касалось близких, упрямо старалась всё выбирать самостоятельно, без Миры. В этом был её личный консерватизм, которого многие двадцатилетние уже не понимали.

Лиза устроилась с горячим кофе за столиком открытой кофейни посреди торгового центра.

Рядом с ней расположились бабушка и внучка. Бабушка заботливо кормила девочку с ложечки, то и дело вытирая ей рот салфеткой. Лизе эта сцена показалась очень трогательной, и она украдкой сфотографировала их.

— Ну что, домой? — спросила бабушка внучку.

— Не хочу! — Девочка упрямо покачала головой, отчего её косички смешно вздрогнули. — Мне дома грустно и одиноко! Я хочу уже быстрее стать взрослой и почиститься.

— Моя ты хорошая. Знаешь, иногда можно разрешить себе просто погрустить.

— Ты это маме скажи, — буркнула девочка.

Сначала Лизе этот разговор показался любопытным, но потом её внимание привлекло движение возле эскалатора.

Она снова заметила его.

Того мужчину в чёрном пальто.

На этот раз на Лизе были очки, наушник и браслет. Она почему-то невольно сжалась в кресле, а браслет негромким сигналом сообщил об учащении пульса.

— Мира, — чуть слышно произнесла Лиза. — Вот, мужчина в чёрном пальто. Мне кажется, я его знаю.

— Ты уже видела его вчера, Лиза. Возле цветочного магазина и ресторана.

Мужчина пока не замечал её. Казалось, он просто шёл по своим делам. Но не прошло и нескольких секунд, как их взгляды встретились.

Сердце Лизы ухнуло куда-то вниз. Она вдруг услышала его частое биение в собственных ушах. Ладони вспотели, а мышцы напряглись так сильно, словно она готовилась бежать.

— У тебя резко участился пульс. По физиологическим показателям я фиксирую сильную тревожную реакцию. Мне вызвать службу безопасности?

— Нет, сама справлюсь.

Лиза не понимала, что спровоцировало такой телесный отклик: его тяжёлый взгляд или смутное чувство знакомости, которое она уже однажды испытала, но теперь не могла вспомнить.

Она не спускала с него глаз, как и он с неё.

Лиза торопливо поднялась из-за столика, забрала свои покупки и почти выбежала из здания. Сама не понимая своей реакции, она села в машину и попыталась отдышаться.

Уже на парковке Лиза заметила, что мужчина вышел следом и теперь осматривал площадку, словно кого-то искал.

Она поспешно завела машину и выехала с парковки.

В зеркале заднего вида Лиза ещё успела увидеть, как он стоит неподвижно и смотрит вслед её автомобилю.

С Настей они встретились почти на окраине города. Было достаточно далеко, Лиза редко выбиралась за пределы привычного маршрута между домом и работой, но сегодня ей точно нужна была смена обстановки. Тот тяжёлый взгляд, чёрное пальто… Они словно преследовали её, а тревожный фон всё ещё оставался выше обычного. Лиза то и дело оглядывалась, всматриваясь в лица посетителей китайского ресторана.

— Как твои дела? — заботливо спросила Настя.

Настя работала в частном архитектурном бюро, редко проходила очистку и часто жаловалась на жизнь. Лизе было сложно выносить такие разговоры, но она понимала, что подруга сама выбрала этот путь. Лиза не раз предлагала ей устроиться в корпорацию, но Настя отчаянно протестовала против системы очистки, прибегая к ней только в крайних случаях: после смерти матери, после расставания с первой любовью.

Настя придерживалась мнения, что жизнь — это череда плохого и хорошего, а забыть какую-то её часть означало забыть часть себя. При этом она вполне поддерживала решение Лизы быть частью системы, как бы страшно это ни звучало.

— Всё хорошо! Купила тебе небольшой подарок, — Лиза поставила на стол пакет со свечой.

Настя внимательно посмотрела на подругу.

— Ты какая-то… напряжённая. Что-то случилось?

Настя чутко замечала перемены в людях, даже самые незначительные. Сама Лиза давно переложила эту заботу на Миру и технологии.

— Всё хорошо, тебе показалось, — Лиза натянула улыбку.

Она помнила, что нагружать других своими проблемами неэтично. Поэтому дальше они, как обычно, заговорили о планах на Новый год. Лиза рассказала про Михаила и о том, что между ними, кажется, возникло какое-то притяжение. Потом Настя начала жаловаться на работу, а Лиза слушала её вполуха.

Ей хотелось прямо сейчас очистить воспоминания о мужчине в чёрном пальто. Но стоило отвлечься, как перед глазами снова возникал его тяжёлый взгляд.

— Так что случилось? — уже с нажимом спросила Настя.

Лиза сдалась.

— Мне кажется, за мной следят.

— Кто? Ты оставила заявку в службу безопасности?

— Пока нет, — покачала головой Лиза. — Я не уверена.

— И кто твой загадочный преследователь?

— Мужчина. На вид лет тридцати, может, чуть больше. У него такой тяжёлый взгляд, я не могу его выносить. Он постоянно смотрит на меня.

— Постоянно? Сколько раз ты его видела?

— Три. Последний раз буквально перед встречей с тобой. Я выбирала тебе свечу и увидела… его.

— Он прямо следил за тобой?

— Он… смотрел на меня.

— Лиза, — Настя улыбнулась и накрыла её руку своей. — Может, ты просто ему понравилась? И он хочет с тобой познакомиться?

— Он кажется мне очень знакомым. Это нормально?

— Ну, попробуй поднять архивы. Поищи его среди старых фотографий. Возможно, вы уже встречались. Кто знает, может, это твой бывший, которого ты просто стёрла.

— Ты же знаешь, что просто стереть человека невозможно, — серьёзно сказала Лиза.

Настя как-то странно посмотрела на неё, но ничего не ответила. Вместо этого постучала пальцем по браслету на руке подруги.

— Мира, береги мою подругу! Она мне ещё нужна в целости и невредимости.

Лиза улыбнулась и чуть отвела руку. Ей было сложно выносить тактильный контакт даже с близкой подругой.

— Кстати, мне недавно в рекомендациях попался наш выпускной. Помнишь? Ты была в жёлтом платье. Красивое, я так тебе тогда завидовала. Где ты его нашла? Хочу такое же!

Настя перевела тему, и Лиза с облегчением выдохнула. Ей было сложно выдерживать эмоционально напряжённые разговоры. И хотя их встреча не обошлась без Настиных нравоучений и рассуждений о политике, Лиза всё равно была рада её видеть.

Воспоминания о мужчине постепенно улеглись, и остаток вечера она почти не думала о нём.

Подруги расстались, как обычно, ещё на полгода, оставив после встречи приятный шлейф воспоминаний.

Лиза села в машину, завела двигатель и обратилась к Мире:

— Напомни мне об этом вечере на первой очистке после санитарной недели.

— Хочешь заблокировать какой-то эпизод?

— Да. Разговор про… того мужчину. Он доставил мне дискомфорт.

— Хорошо, зафиксировала. Проложить короткий маршрут домой или более длинный?

— Длинный. Хочу посмотреть на город.

Остаток пути Лиза провела в молчании, смакуя тревожные воспоминания об этом дне.

Уже на парковке возле дома фары осветили скамейку неподалёку от подъезда, возле которой она обычно оставляла машину.

Скамейка была не пуста.

Это был он.

Чёрное пальто, взъерошенные тёмные волосы. Он показался Лизе тем самым человеком из детских страшилок: чёрный-чёрный человек в чёрном-чёрном городе. Словно вышел со страниц страшной сказки, чтобы напугать её.

Сердце заколотилось, но Лиза вспомнила слова Насти: «Может, он просто хочет познакомиться?»

Эта мысль даже немного придала ей уверенности. Странно, ещё полчаса назад она попросила стереть этот разговор, а теперь он по непонятным для неё самой причинам помогал успокоиться.

Лиза вышла из машины и направилась к подъезду, стараясь лишний раз не смотреть на мужчину.

— Лиза.

Она остановилась как вкопанная.

От звука своего имени. От его голоса. От абсурда того, что этот совершенно незнакомый человек мог её знать.

— Лиза, — повторил мужчина.

Она повернулась.

Он медленно приближался, но, когда Лиза сделала шаг назад, остановился.

Свет уличных фонарей падал на его лицо. Лиза искала в нём наглость, злость, желание причинить боль, но увидела только печаль в глазах и усталость. Он совсем не походил на убийц, о которых рассказывали в тру-крайм-подкастах. Тёмные круги под глазами, двухнедельная щетина и такой печальный взгляд…

— Откуда вы знаете меня? — настороженно спросила Лиза.

— Знаю. Я хотел бы поговорить.

— О чём? Зачем? Я вас не знаю!

— Да, не знаешь.

Он опустил голову, и тени под глазами стали ещё глубже.

— Вы следите за мной? — выпалила Лиза, сама не ожидая от себя такой наглости.

Она крепче сжала ремешок сумки, словно её тело готовилось защищаться.

— Я искал встречи с тобой почти год. Я хотел…

Он сделал шаг навстречу, но Лиза отступила ещё на два.

— Если вы подойдёте ближе, я вызову полицию.

— Вызывай. Я ничего тебе не сделаю.

И тут она заметила маленький белый шрам под его нижней губой.

Почему-то внутри всё вздрогнуло.

Дежавю.

Лизе вдруг захотелось протянуть руку и коснуться этого шрама. Проверить, настоящий ли он. Откуда взялось это желание, она не понимала, и от этого стало ещё страшнее.

Она резко развернулась и быстрым шагом направилась к подъезду.

— Лиза!

Мужчина сказал что-то ещё, но она уже не слышала.

Лиза почти забыла, как дышать. Приложила руку к считывателю, дождалась, пока дверь откроется, и поспешила внутрь. Только когда та закрылась за её спиной, Лиза прислонилась к ней всем телом.

Почему-то она знала, что он не попытается пойти следом. Но это не отменяло того, что её трясло, словно в ознобе.

Почти не помня, как поднялась на свой этаж, Лиза добралась до квартиры. Только там тело немного расслабилось.

Она снова и снова прокручивала произошедшее. Возвращалась к его взгляду, к голосу, к белому шраму под губой. Самым страшным было то, что впереди целая санитарная неделя. До следующей плановой очистки оставалось больше восьми дней, и эта мысль доставляла ещё больший дискомфорт.

— Мира, ты можешь узнать, кто этот мужчина?

Лиза не снимала очков ни в торговом центре, ни на встрече с Настей, ни возле подъезда. Мира видела происходящее, и от этого Лиза чувствовала себя хоть немного защищённой.

— У меня есть доступ к изображениям, которые ты попросила зафиксировать. Но я не могу установить личность частного лица по внешности без соответствующего разрешения. Хочешь, я помогу составить обращение в службу безопасности?

— Он мог причинить мне вред?

— По доступным данным он не пытался применить силу. Но я не могу достоверно оценить его намерения.

— Тогда чего он хотел? — Лиза почти вскрикнула.

— Я не знаю. Он неоднократно появлялся рядом с тобой и пытался вступить в разговор. Если ты чувствуешь угрозу, я рекомендую сообщить об этом в службу безопасности.

— Мира…

Лиза всё это время расхаживала по комнате, но теперь остановилась.

— Я могу его знать?

— Возможно.

— Ты можешь поднять архив?

— Уточни, пожалуйста: ты хочешь узнать об истории проведённых коррекций, восстановить конкретный эпизод или получить общий перечень подавленных воспоминаний?

— Общий.

— Я могу подготовить запрос. Для его рассмотрения потребуется консультация эмоционального куратора. Срок рассмотрения — до тридцати рабочих дней.

— Но это же мои воспоминания!

— Да, Елизавета. Именно поэтому доступ к подавленным эпизодам регулируется законом о психической и биографической автономии. Перед ознакомлением необходимо подтвердить, что восстановление не угрожает непрерывности твоей личности.

— Мира, ты помнишь, как я начала писать первые буквы, но не можешь сказать, видела ли я этого человека раньше?

— Я могу обращаться только к тем сведениям, доступ к которым разрешён твоими действующими настройками и защитными распоряжениями.

— Чьими распоряжениями? — Лиза была на взводе и уже не знала, куда себя деть.

— Твоими, Елизавета. Если для некоторых эпизодов действуют дополнительные ограничения, потребуется отдельное согласование с куратором.

Лиза в бессилии рухнула на кровать.

— Давай пройдём дыхательную практику, чтобы немного снизить тревогу? — предложила Мира.

— К чёрту твою практику!

Впервые за долгое время Лиза сорвалась на Миру. Та выдержала вспышку с поразительной стойкостью, какая и должна быть у машины, но Лизе от этого не становилось легче.

Она ещё несколько раз вставала, ходила по комнате, снова ложилась. Ей казалось, что поднялась температура, а тело сжималось и начинало дрожать при любом воспоминании о чёрном пальто и мужчине со шрамом под губой.

Лиза долго не могла заснуть. Чтобы хоть как-то отвлечься, она всё-таки составила запрос на ознакомление с архивом, сама не понимая, что именно надеется там найти.

Потом пролистала ленту рекомендаций и зашла в свой профиль. Опустилась до фотографий с выпускного.

То самое жёлтое платье, о котором говорила Настя.

Внезапно Лиза резко села на кровати.

— Мира, эта фотография всегда была вертикальной?

На снимке Лиза стояла в жёлтом платье, держала охапку белых хризантем и улыбалась в камеру.

— В доступном альбоме она сохранена в вертикальном формате. Сведений о более ранних версиях у меня нет.

— Мне казалось, что она была горизонтальной…

Лиза долго рассматривала эту фотографию и остальные снимки с того вечера. Но мысль о том, что раньше фотография была другой, почему-то не покидала её.

Она так и заснула с этой мыслью, впервые не пожелав Мире спокойной ночи.

Мира выключила свет, как только Лиза уснула.

Глава 3

Глава 3.

— Слушай, а почему именно белые хризантемы? — Чтобы поддерживать разговор, Михаилу приходилось немного сутулиться: он был заметно выше большинства окружающих.

Они решили встретиться в воскресенье. День выдался солнечным, а Лизе очень хотелось вырваться из сужающихся стен квартиры. Дома ей было некомфортно, и это чувство сбивало с толку. Казалось, за ней постоянно кто-то наблюдает. Она быстро списалась с Михаилом, и тот, к её счастью, оказался свободен. Разговоры с ним удачно отвлекали Лизу от собственных мыслей.

— Не знаю, — пожала плечами Лиза. — Я посмотрела на них, и мне показалось, что… это красивый жест для встречи с незнакомцем.

Они бродили по осеннему парку, наблюдали, как белки снуют в кронах деревьев, как опадают листья и как маленькие уборщики почти сразу убирают их с дорожек.

Лиза открыла в Михаиле ещё одно приятное качество — он был любознательным и интересовался историей. Из всех мужчин, с которыми ей доводилось общаться, у Михаила пока была самая выигрышная позиция. Ей порой даже становилось немного неловко, когда их руки случайно соприкасались, а браслет начинал жужжать от участившегося пульса.

Она не хотела форсировать события. Не хотела переходить к чему-то более личному, пока не узнает его лучше. Но всё, что она узнавала, захватывало её ещё сильнее.

— Слушай, хочу задать личный вопрос. Можно? — Михаил наклонился ближе, и Лиза даже почувствовала его тёплое дыхание у себя на макушке.

— Ну, попробуй! — игриво ответила она.

— Как ты относишься к очистке?

— Только не говори, что ты из тех, кто против! Я занимаюсь логистикой и установкой очистительных систем уже больше года и могу с уверенностью сказать, что людям от этого стало только лучше! И вообще, человечество сделало невообразимый шаг вперёд, когда пришло к очистке. Мы стали счастливее, спокойнее и уж точно… дружелюбнее.

— Ух! — Михаил поднял руки в знак поражения. — Я же маркетолог, просто исследовал респондента.

— То есть я всего лишь респондент для исследования? — Лиза остановилась и в упор посмотрела на Михаила.

Он смущённо улыбнулся, и Лиза заметила, что вогнала его в краску. Он был таким милым, обаятельным и показался ей немного неуклюже влюблённым.

— Нет, нет! Ты точно не респондент и уж точно не моё исследование.

Лиза почувствовала жужжание на запястье, когда Михаил подошёл ближе.

Она уже собиралась прикрыть глаза, но он лишь снял с её макушки маленький жёлтый листочек.

— Я спросил, потому что у меня был неприятный опыт отношений. Для меня очистка — это как профессиональная гигиена, а она… В общем, моя девушка принципиально не чистилась. Мы из-за этого постоянно спорили и в итоге расстались. Я помню наши хорошие моменты, и я благодарен ей за них. Но вместе мы так и не научились жить.

— Не переживай, я просто фанат очисток! — сказала Лиза и сделала шаг ближе к Михаилу.

Он не отступил, но и сам ничего не предпринял. И Лиза, как настоящая победительница, взяла всё в свои руки. Схватила Михаила за воротник, поднялась на цыпочки и поцеловала.

В этот момент браслеты зажужжали у обоих.

Но что-то было не так.

Лиза отстранилась и посмотрела на Михаила. На мгновение горло сжало непонятным спазмом, и она снова почувствовала то странное дежавю. Будто этот поцелуй уже когда-то был. Только что-то в нём было другим.

Она постаралась улыбнуться через силу, и они смущённо пошли дальше. Михаил — в приятном шоке, Лиза — в подозрительной тревоге.

Она невольно оглянулась по сторонам. Человека в чёрном пальто нигде не было, но странное чувство не отпускало.

И Лиза решилась задать вопрос.

— Слушай, а у тебя бывает дежавю?

— Дежавю? Скорее нет, чем да.

— А ты не знаешь, чем оно может быть вызвано?

— Виктор на это сказал бы что-то вроде…

— Нет, я не хочу слышать, что думает нейросеть, — Лиза сказала это так резко, что Михаилу даже стало не по себе. — Мне интересно твоё мнение, — уже спокойнее добавила она.

— Ну, есть много теорий. Мне нравится одна из них. Слышала про теорию струн?

Лиза покачала головой.

— Есть такая красивая фантазия на её основе. Будто наш мир — это струна и таких струн может быть сотни. И в моменты, когда случается дежавю, струны разных миров соприкасаются.

— Фантастика, — улыбнулась Лиза.

— Посмотри вокруг: мы живём в фантастике! Хотя на самом деле мне кажется, что дежавю бывает из-за несогласованности воспоминаний.

— В смысле?

— Ну смотри. Мы все проходим очистку, иногда что-то стираем. Иногда решаемся стереть больше, чем нужно, и тогда нейросеть корректирует связанные воспоминания, чтобы наше прошлое оставалось более-менее последовательным. Но то, что не помнит голова, помнит сердце.

Михаил остановился и указал себе на грудь.

— Вот то, что помнит сердце, я и называю дежавю.

— Да ты романтик! — Лиза не сразу нашлась, что ответить, но слова вырвались сами собой.

У её дома они попрощались и даже поцеловались на прощание. Правда, Лизе было слегка некомфортно проходить мимо той самой скамейки, на которой несколько дней назад сидел мужчина в чёрном пальто.

Встреча с Михаилом приободрила Лизу. Ей даже понравилось, что он опубликовал их совместную фотографию в соцсети, отметив её профиль. Они сделали селфи где-то между прогулкой в парке и прощальным поцелуем.

«Говорят, параллельные миры не пересекаются. Кажется, нашёл исключение».

Оба улыбались и выглядели счастливыми. Пост быстро собрал много лайков, а вскоре после того, как фотография появилась на странице Лизы, раздался видеозвонок от Насти.

— Привет! Нежданно-негаданно. Что-то случилось?

Лиза редко созванивалась с Настей. Почему-то их дружба держалась на личных встречах, а не на телефонных разговорах.

— Это тот самый Михаил? — загадочно спросила Настя.

Она тоже была у себя дома и с хрустом жевала зелёное яблоко.

Лиза тем временем собиралась заняться йогой. Она расстелила коврик и начала разминаться, попутно пытаясь отвечать на вопросы подруги.

— И что у вас с ним? Целовались? Обнимались? Обжимались? — игриво продолжала Настя.

— Мы делали всё и даже больше! — хихикнула Лиза, пытаясь удержаться в позе собаки мордой вниз. — Слушай, у меня вопрос.

— Мне кажется, ты уже взрослая девочка и сама разберёшься, как там и что устроено.

— А у тебя сегодня игривое настроение!

Обе рассмеялись.

— Нет, ты тогда сказала про выпускной и моё платье. Почему ты вдруг об этом вспомнила? Это же было столько лет назад.

— Ну, вспомнила, да…

Лиза заметила, как Настя подбирает слова, и это её немного напрягло.

— Я ехала в машине, и мне попалась подборка воспоминаний под музыку. Ну знаешь, когда старые фотки автоматически собираются в клип.

— У тебя ещё есть на телефоне эта функция?! — Лиза удивилась даже больше, чем если бы Настя призналась, что намеренно искала её выпускные фотографии.

— Я старомодна, и в этом мой шарм! Просто в подборке были фотографии с выпускного. Боже, сколько лет прошло… А почему ты спросила?

— Ты посчитаешь меня сумасшедшей…

— О боже, нашу самую нормальную я посчитаю ненормальной?! Мне уже очень интересно!

Лиза открыла свой профиль, нашла фотографию с выпускного и отправила её в чат с Настей.

— Мне кажется, я помню эту фотографию горизонтальной. А она вертикальная. Мира говорит, что в моём альбоме она всегда была такой, но я… Не знаю.

Настя рассматривала фотографию достаточно долго и ничего не говорила. Лизу это встревожило: у подруги всегда находилось мнение по любому поводу.

— Настя?

— А почему ты решила, что она должна быть горизонтальной?

— Не знаю. Просто чувство такое, будто… Да не обращай внимания! Меня ждёт неделя без очистки, я уже не вполне контролирую свои эмоции, а ещё тот мужчина…

— Тот мужчина в пальто? Ты его снова видела?

— Мы даже разговаривали.

— И что?

Лиза заметила внезапную заинтересованность подруги и какую-то тревогу в её голосе, но не придала этому значения. Она снова опустилась на коврик и продолжила упражнения.

— Он знал моё имя. И вообще, говорит, что знает меня.

— И тебя это не тревожит?

— Сейчас — нет. Я приняла противотревожное, очень долго дышала, а сейчас стою в позе собаки именно для того, чтобы лишний раз не думать.

— Слушай, я сейчас скажу страшную для себя вещь, но, кажется, тебе нужно обратиться к куратору. Ты принимаешь препараты из-за какого-то незнакомца, а потом целуешься с мужчиной, которого знаешь от силы несколько дней. По-моему, ты действительно сходишь с ума.

— Ну спасибо!

— Слушай, мне нужно бежать. И, Лиза…

— Да?

Настя помедлила.

— Иногда просто нужно погрустить и забыть. Пока!

Она отключилась, а Лиза села на коврик.

Почему-то тело снова начало мелко дрожать. Лиза посмотрела на домашний терминал Миры, на котором ещё перед встречей с Михаилом отключила голосовое сопровождение, решив устроить себе небольшой цифровой детокс.

Она ещё не определилась, хочет ли возвращаться к привычному общению сегодня или лучше оставить всё до завтрашнего утра. Но в итоге нажала кнопку включения.

— Добрый вечер, Лиза. Как прошла прогулка?

— Хорошо, Мира. Очень хорошо.

Лиза не стала рассказывать подробности. Вместо этого они обсудили планы на завтра, и Мира напомнила ей о предстоящей встрече с эмоциональным куратором.

Пока машины чистились, наступало время человеческих встреч.

Лиза всё ещё не до конца понимала, чего хочет от восстановления архива. Что или кого надеется там найти. Но кое-что она всё-таки решилась спросить у Миры.

— Мира, а ты можешь просто напомнить мне… Я когда-нибудь первой целовала мужчин?

— В доступной истории твоих свиданий инициаторами поцелуев чаще были мужчины. Но я не располагаю полными сведениями обо всех твоих отношениях.

— Почему ты решила, что мы с Михаилом поцеловались?

— Я не утверждала этого, Лиза. Но ты сама спросила о поцелуях сразу после свидания, а на фотографии вы выглядите очень счастливыми. Я сделала предположение.

— И давно ты у нас такая догадливая?

— С тех пор, как ты научилась скрывать от меня свои симпатии.

Лиза невольно улыбнулась.

— Мира, ты думаешь, Михаил мне подходит?

— По доступным данным, ваша совместимость значительно выше, чем с Артёмом. У вас сходные интересы, похожие взгляды и комфортный стиль общения. Именно поэтому я предложила тебе его анкету.

— То есть всё рассчитано?

— Не всё, Лиза. Я могу оценить совместимость, но не могу решить за тебя, кого любить.

Лиза не ответила.

Она ещё некоторое время смотрела на фотографию с Михаилом. Они действительно выглядели счастливыми. Особенно ей нравилось, как он немного наклонился к ней, чтобы поместиться в кадре. Рядом с таким высоким мужчиной она чувствовала себя совсем маленькой.

Лиза улыбнулась, закрыла фотографию и выключила свет.

Утром её разбудила Мира.

— Доброе утро, Лиза! Сегодня понедельник, первый день санитарной недели. Температура воздуха четырнадцать градусов. В течение дня ожидается небольшой дождь. Напоминаю, что сегодня у тебя консультация с эмоциональным куратором в одиннадцать тридцать.

— Доброе, Мира, — сонно пробормотала Лиза и натянула одеяло на голову. — А можно мне сегодня никуда не ходить?

— Можно. Но тогда я отменю консультацию, которую ты сама запросила в пятницу.

— Ты ужасно занудная.

— Зато последовательная.

Лиза нехотя выбралась из кровати.

Несмотря на беспокойные выходные, она чувствовала себя довольно хорошо. Переписка с Михаилом, его глупые шутки и вчерашний поцелуй сделали своё дело. Она даже поймала себя на мысли, что хочет увидеться с ним снова. И желательно сегодня.

Пока Лиза чистила зубы, Мира перечисляла задачи на день. Рабочих писем было немного: большая часть сотрудников разъехалась в отпуска, а некоторые отделы и вовсе при-

остановили работу. Впервые за долгое время город начинал неделю без привычной утренней очереди в кабины очистки.

— Мира, а сколько людей сегодня обратилось за экстренной помощью?

— У меня нет доступа к общей статистике обращений за сегодняшний день. Но за прошлую санитарную неделю число внеплановых консультаций в нашем районе увеличилось на двадцать три процента.

— Каждый год одно и то же, — вздохнула Лиза.

Ей всегда казалось странным, насколько тяжело некоторые люди переносили всего одну неделю без очистки. Хотя теперь, после выходных, она начинала их немного понимать.

К зданию медицинского центра Лиза подъехала за пятнадцать минут до назначенного времени.

В холле было непривычно тихо. Обычно здесь толпились сотрудники корпорации, спешившие на утренние процедуры, переговаривались с помощниками, торопливо допивали кофе. Сегодня большая часть кабин была закрыта. На стеклянных дверях горели одинаковые надписи: «Плановое техническое обслуживание».

Лиза прошла мимо знакомого ряда полукруглых кабин. Ей даже захотелось на мгновение забраться в одну из них, устроиться в тёплом кресле и услышать привычное жужжание.

Но двери были заблокированы.

Она поднялась на четвёртый этаж, где располагались кабинеты эмоциональных кураторов.

В отличие от первого этажа здесь всё работало. Люди сидели в небольшом светлом коридоре, ожидая своей очереди. Кто-то разговаривал по телефону, кто-то смотрел в пустоту перед собой. Пожилая женщина у окна вытирала слёзы платком, а мужчина рядом с ней молча гладил её по плечу.

Лиза отвела взгляд.

— Елизавета? — позвала женщина из открывшейся двери. — Проходите, пожалуйста.

Куратор оказалась женщиной лет пятидесяти с короткими светлыми волосами и усталым, но приятным лицом. На столе стояла чашка чая, рядом лежал бумажный блокнот. Лизе это показалось немного старомодным.

— Присаживайтесь. Меня зовут Анна Сергеевна. Вы впервые у нас?

— Нет, кажется, я уже была у куратора. Просто очень давно.

— Такое бывает, — улыбнулась женщина. — Не все консультации остаются в доступной части памяти. Особенно если они связаны с последующей коррекцией.

Лиза устроилась в кресле напротив.

Оно было гораздо менее удобным, чем кресло в кабинине очистки. Слишком жёсткая спинка, слишком низкие подлокотники. Лиза никак не могла понять, куда деть руки.

— Итак, — Анна Сергеевна посмотрела на экран. — Я вижу, вы подали запрос на ознакомление с архивом подавленных воспоминаний. Что вас беспокоит?

— Мужчина.

Куратор подняла глаза.

Лиза почувствовала себя глупо.

— В смысле, какой-то мужчина. Я встречала его несколько раз. Сначала на улице, потом в торговом центре, потом возле дома. Он знает моё имя. Говорит, что знает меня.

— А вы его помните?

— Нет. В том-то и дело.

— Он представился?

— Нет. Я испугалась и ушла.

Анна Сергеевна что-то отметила в блокноте.

— Вы обращались в службу безопасности?

— Мира предлагала. Но он ничего мне не сделал.

— То, что человек не причинил вам вреда, ещё не означает, что ситуация не требует внимания.

Лиза посмотрела на неё с некоторым удивлением. Обычно все вокруг советовали сначала разобраться с собственными эмоциями.

— Понимаете, мне кажется, что я его знаю. Не просто видела где-то раньше, а именно знаю. Но не могу вспомнить откуда.

— Это чувство возникает только при встрече с ним?

Лиза задумалась.

— Нет. Наверное, нет. Вчера я поцеловала мужчину, с которым недавно познакомилась. И тоже почувствовала что-то похожее.

— Дежавю?

— Да. Только очень неприятное. Будто я делала это раньше, но неправильно.

Анна Сергеевна отложила ручку.

— Подобные ощущения иногда возникают после коррекции эмоциональной памяти. Особенно если заблокированные эпизоды связаны с сильными переживаниями. Сознательная память может не воспроизводить событие, но отдельные ассоциации сохраняются.

— Так значит, я действительно его знаю?

— Я этого не говорила. Ощущение знакомости само по себе ничего не доказывает.

Лиза разочарованно откинулась в кресле.

— Мира сказала почти то же самое.

— Потому что это наиболее точный ответ, который мы можем вам дать без дополнительной информации.

Некоторое время они молчали.

— А если я хочу вспомнить? — наконец спросила Лиза.

— Что именно?

— Этого человека. Если он был в моей жизни, я хочу знать кто он.

— А зачем?

Лиза растерялась.

— Как зачем? Он знает меня, а я его нет. Разве это нормально?

— Елизавета, за свою жизнь вы могли встретить тысячи людей. Многие из них не сохранились в вашей доступной памяти. Это естественное следствие коррекции. Вы ведь сами регулярно пользуетесь этой услугой.

— Да, но этот мужчина приходит к моему дому!

— Тогда в первую очередь стоит обратиться в службу безопасности. А не восстанавливать неизвестные воспоминания.

Лиза сцепила пальцы.

Ей стало неприятно. Она ожидала совсем другого разговора. Думала, что придёт, расскажет о странном мужчине и ей предложат какую-то проверку, после которой всё встанет на свои места.

Вместо этого снова получалось, что проблема заключалась в ней самой.

— Хорошо. А фотографию с выпускного вы можете объяснить?

— Какую фотографию?

Лиза вывела изображение на экран напротив куратора.

— Вот. Я помню, что она была горизонтальной. А сейчас вертикальная. Возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, что раньше на ней было что-то ещё.

Анна Сергеевна внимательно посмотрела на снимок.

— Изменение цифрового изображения не относится к нейронной коррекции. Фотографию могли обрезать при публикации, перенести из другого альбома или изменить формат.

— Я понимаю. Просто…

Лиза замолчала.

Она и сама не знала, как объяснить эту странную уверенность. Будто она помнила не саму фотографию, а пустое пространство рядом с собой. Место, на котором должно было что-то находиться.

Или кто-то.

— Вы говорили, что подали запрос на восстановление архива, — напомнила Лиза. — Мы можем хотя бы посмотреть, какие воспоминания там есть?

Куратор снова повернулась к своему экрану.

— Для начала я должна проверить статус вашего биографического архива. Это стандартная процедура. Мира уже направила необходимые сведения, но для просмотра ограничений требуется ваше личное подтверждение.

На экране перед Лизой появилось уведомление.

«Запрос на просмотр сведений о защищённых эпизодах. Подтвердить доступ».

Она приложила ладонь к считывателю.

Анна Сергеевна несколько секунд просматривала открывшуюся карточку. Потом пролистала ниже, нахмурилась и вернулась к началу.

— Что-то не так? — спросила Лиза.

— Минутку.

Женщина снова что-то проверила, на этот раз значительно дольше.

Лиза почувствовала знакомое неприятное напряжение в животе.

— Анна Сергеевна?

— Елизавета, скажите, вы уверены, что раньше не обращались за восстановлением памяти?

— Не помню. Мира говорила, что у меня были коррекции. Но я ведь прохожу их почти каждый день.

— Я не об обычных процедурах.

— А о каких?

Куратор несколько мгновений смотрела на экран.

— В вашем архиве есть защищённый биографический раздел. Доступ к нему ограничен отдельным распоряжением. Я не могу открыть его содержимое на обычной консультации.

— Защищённый от кого?

— От несанкционированного восстановления. Такое ограничение устанавливается, если возвращение воспоминаний может представлять риск для человека.

Лиза почувствовала, как пересохло во рту.

— И кто его установил?

— Распоряжение оформлено от вашего имени. С подтверждённым согласием и заключением медицинской комиссии.

— То есть я сама попросила что-то забыть?

— Согласно документам, да.

— Что?

Анна Сергеевна покачала головой.

— Я не имею права раскрывать содержание защищённого раздела без предусмотренной процедуры.

— Но я же могу отменить своё распоряжение?

— Можете подать заявление на его пересмотр. Однако решение принимается комиссией нейронных прав после оценки возможных последствий.

Лиза почувствовала, как начинает злиться.

— Я правильно понимаю, что могу добровольно забыть что угодно, но чтобы вспомнить, мне нужно разрешение?

— Не совсем. Вы вправе распоряжаться своей памятью. Но в случае глубокой биографической коррекции действует особый порядок, который защищает в том числе ваши прежние решения.

— От меня самой?

Куратор не ответила сразу.

— Иногда человек принимает решение о защите определённых воспоминаний в состоянии, которое позднее уже не может воспроизвести. Закон предусматривает возможность пересмотра, но не немедленного снятия ограничений.

— И сколько мне ждать?

— После подачи заявления вам назначат отдельную консультацию. Затем потребуется рассмотрение комиссией.

— Это может занять месяц?

— Возможно, дольше.

Лиза коротко рассмеялась.

Ей было совсем не смешно.

Она посмотрела на фотографию с выпускного, которая всё ещё висела на соседнем экране. Жёлтое платье. Белые хризантемы. Её собственная улыбка.

— Скажите хотя бы, когда это было.

— Что именно?

— Когда я решила что-то забыть.

Анна Сергеевна снова опустила взгляд на карточку.

— Полная хронология ограничена. Но дату оформления распоряжения я могу вам назвать.

Она произнесла дату.

Лиза невольно выпрямилась.

Несколько лет назад. Время, которое она прекрасно помнила. Учёба уже закончилась, она устраивалась на работу, выбирала свою первую квартиру. Обычная жизнь, в которой не происходило ничего особенно страшного.

По крайней мере, ей так казалось.

— Но тогда у меня всё было хорошо, — тихо сказала Лиза.

— Возможно.

— Нет, вы не понимаете. Я помню тот год. Я помню свою работу, друзей, квартиру. Я помню, как покупала мебель. Зачем мне было что-то настолько сильно забывать?

— Елизавета, — мягко произнесла куратор, — я не знаю обстоятельств вашего решения. Но могу сказать, что подобные распоряжения не оформляются после обычных ежедневных очисток.

Лиза замолчала.

Впервые за всё время ей захотелось услышать голос Миры. Чтобы та вмешалась, объяснила, что произошла ошибка, что в документах перепутали дату или чужую фамилию.

Но Мира молчала.

— Я хочу подать заявление, — сказала Лиза.

— Мы можем сделать это сейчас. Однако я должна предупредить: само обращение не гарантирует восстановления. В вашем случае потребуется дополнительная проверка.

— Хорошо.

— И ещё я настоятельно рекомендую пока не пытаться самостоятельно получать доступ к защищённым записям.

— Почему?

— Потому что вы не знаете, что именно было заблокировано. И по какой причине.

Лиза посмотрела на неё.

За окном начинался дождь. Крупные капли скатывались по стеклу, размывая силуэты соседних зданий. Где-то внизу город продолжал жить своей жизнью, а люди готовились провести неделю без очистки.

Лиза вдруг вспомнила мужчину в чёрном пальто. Его усталое лицо. Белый шрам под губой. И то, как он произнёс её имя.

— Анна Сергеевна, — спросила она уже у двери. — А если человек, которого я забыла, всё ещё помнит меня?

Куратор подняла на неё глаза.

— Тогда, Елизавета, у вас могут быть совершенно разные воспоминания об одной и той же жизни.

Лиза вышла в коридор.

Она остановилась возле окна, достала телефон и открыла фотографию с выпускного. Долго смотрела на себя в жёлтом платье, потом увеличила снимок, провела пальцами по его краям.

На фотографии было всё, что она помнила.

И почему-то Лизе впервые показалось, что именно в этом и заключалась проблема.

Глава 4

Глава 4

Лиза чуть вздрогнула, когда к ней подошла коллега Маша.

— Лиза, привет! Не ожидала тебя здесь увидеть… — сказала Маша, слегка смущаясь. — Ты от куратора? Даже удивительно видеть тебя в этом крыле.

— Что? — растерянно переспросила Лиза, но быстро попыталась собрать мысли в кучу. — Да, да. От куратора.

— Что-то случилось? Ты какая-то нервная.

— Нет, всё хорошо! — Лиза попыталась натянуть улыбку.

— А я всё-таки по твоему совету решилась сходить к куратору. У меня много несостыковок, странные эмоциональные реакции…

— Возможно, только твои эмоциональные реакции и знают правду.

— Что ты имеешь в виду?

— Неважно. Удачи.

Лиза сухо попрощалась с коллегой и вылетела из крыла кураторов как ошпаренная.

Ей буквально казалось, что нечем дышать. Мысли роились в голове, пытаясь связать прошлое, настоящее и будущее, а воздуха катастрофически не хватало. Хотелось выйти на улицу, глотнуть свежего воздуха. Лиза надеялась, что на открытом пространстве ей станет легче, но ошибалась.

Ноги несли её сами — от поворота к повороту, через кварталы, которых она даже не замечала. Не замечала людей. Не знала, куда идёт.

Телефон разрывался от сообщений и звонков, но Лиза включила режим «Не беспокоить» и продолжала идти, почти бежать.

Убежать от себя. От воспоминаний, которых не помнила, и от тех, которые помнила слишком хорошо.

На город опускался туман, окутывая высотки. Было сложно различить что-то даже в нескольких метрах впереди, не говоря уже о том, чтобы увидеть, где заканчиваются здания и начинается небо.

Лизе вдруг захотелось взлететь и посмотреть на город сверху вниз. Быть выше всего этого. Выше себя и людей, которые шли рядом, порой задевая её плечом или рукавом куртки. В висках, в дрожи тела билась только одна фраза:

«Разные воспоминания одной жизни».

Но как это могло быть?

Да, очистка иногда достраивала недостающие связи между событиями. Лиза знала это. Но что должно было произойти в её жизни, чтобы она решилась — и, главное, получила разрешение — заблокировать целую её часть? Это было невозможно. Она слышала о подобных процедурах. Все слышали. Но это всегда происходило где-то там, с кем-то другим. С людьми, которых никто из её знакомых не знал.

А может, знали? Может, просто не помнили?

Если такое случилось с ней, могло ли произойти с каждым, кого она знала? Что вообще случилось в те годы? И как теперь понять, какие из её воспоминаний настоящие?

Вопросы, вопросы, вопросы.

Ей хотелось потеряться, скрыться, забыть всё, что она сегодня узнала. Но одновременно она боялась забыть ещё хоть что-нибудь. В какой-то момент Лиза вообще перестала понимать, кто она.

В конце концов она остановилась. Шаг давно превратился почти в бег, дыхание стало прерывистым, ноги болели, а воздуха по-прежнему не хватало. Лиза согнулась, упёрлась ладонями в колени и попыталась отдышаться.

Только теперь она огляделась. Квартал показался удивительно знакомым. Лиза знала, что за углом должен быть магазин. Что если пройти ещё пару домов, окажешься возле небольшого заведения, где подавали её любимые пышки. А чуть дальше — сквер с резными лавочками. Всё заволокло густым туманом, но она почему-то точно знала, куда идти. Это был не тот район, где она сейчас жила и работала. Она оказалась гораздо дальше. На севере города.

Лиза решила проверить свои догадки и направилась к скверу. Он действительно был там. Жёлтая листва, узкие дорожки и резные деревянные лавочки, которые только здесь сохранили свой прежний вид. Словно из прошлого, которое почему-то никто не спешил переделывать.

Лиза выбрала лавочку неподалёку от дорожки, собираясь наконец присесть, восстановить дыхание и осмотреться. Но прямо напротив, вполоборота к ней, сидел мужчина.

Чёрное пальто.

В одной руке он держал бумажную книгу с пожелтевшими страницами. Другой подносил к губам сигарету и выдыхал сизый дым, который смешивался с туманом. Он не замечал Лизу. В этот раз она увидела его первой.

Лиза резко отвернулась. Она не хотела, чтобы он её заметил. Ещё несколько дней назад она бы бросилась прочь, не оглядываясь. Но сейчас ей отчаянно нужен был разговор. Именно с ним. Именно сейчас. Как когда-то он искал встречи с ней, так теперь она нуждалась в нём. По каким-то необъяснимым для самой себя причинам Лиза решилась подойти. Почти на цыпочках. Словно хищник, который наконец выследил свою жертву. Только кто из них был хищником, а кто — жертвой?

Подойдя ближе, Лиза заметила, что волосы мужчины стали ещё более сальными, щетина отросла, а круги под глазами сделались ярче и отчётливее. Ей стало немного противно. Но почему-то следом сердце болезненно сжалось от жалости. Было почти физически больно видеть его таким — маленьким, одиноким человеком на лавочке посреди пустеющего сквера.

— Не люблю такие книги, — сказала Лиза.

Она подошла достаточно близко, чтобы разглядеть мелкий текст на пожелтевших страницах. Мужчина резко поднял голову и закашлялся, неудачно вдохнув сигаретный дым. Лиза с удивлением заметила, как быстро он затушил сигарету и попытался спрятать её, будто ему было стыдно, что она застала его за курением.

— В них нет…

— Картинок, — закончил он. а Лиза замерла. — Лиза? Как ты… Что ты здесь делаешь? Ты… — Он помедлил, будто боялся произнести следующий вопрос. — Что-то вспомнила?

В голосе прозвучала надежда. Мужчина захлопнул книгу, поднялся с лавочки и выбросил окурок в ближайшую урну. Та с металлическим урчанием зажевала мусор.

— Я не знаю, — ответила Лиза. — Я даже не знаю толком, где нахожусь. Но почему-то этот район кажется мне знакомым.

Она огляделась. Мужчине явно было некомфортно: она застала его за курением, с грязными волосами, в неприглядном виде, с какой-то старой книгой в руках. Он казался скорее пристыженным, чем опасным. И Лиза вдруг подумала, как вообще могла его бояться. Его. Такого странного, одинокого мужчину. Но, возможно, именно в этом и скрывался ответ на её вопрос.

— Я была у куратора.

Он молчал. Теперь мужчина не задавал вопросов, не пытался первым выйти на контакт. Даже не сделал шага навстречу. Они стояли примерно в метре друг от друга. Он смотрел на неё, она — по сторонам.

Лиза ожидала реакции. Хоть чего-нибудь. Но молчание затягивалось и начинало её злить. Она больше не хотела убегать от него в страхе. Ей нужны были ответы. И самый главный вопрос она наконец произнесла:

— Кто ты?

— Меня зовут Илья.

— Хорошо, Илья. Кто ты?

— Лиза… — Он помедлил, провёл рукой по слипшимся волосам. — Я не хочу быть тем, кто тебе всё расскажет. Ты должна это вспомнить. Сама. Если захочешь. Ведь у нас с тобой сейчас разные…

— Воспоминания одной жизни?! — почти выкрикнула она.

Несколько прохожих обернулись. В этой части города было достаточно тихо, чтобы услышать чужую ссору даже издалека.

— Да, да! Я уже слышала! Но мне нужны ответы, чёрт возьми!

Илья опустил голову и уставился на носки своих коричневых ботинок. Лиза поняла, что не столько загнала его в тупик, сколько заставила снова переживать что-то, чего сама не могла вспомнить. Но ей уже было всё равно.

— Ты внезапно появляешься в моей жизни. Пугаешь меня!

— Я не хотел этого, — серьёзно ответил Илья, продолжая смотреть вниз, словно провинившийся ребёнок перед матерью.

— Более того, ты говоришь, что мы были знакомы! Знакомы! И тут я узнаю, что часть своей жизни просто не помню. Хотя нет, помню! Помню, но она не та. Это не та жизнь, которой я жила! Это обман! И знаешь, кто меня обманул?!

Лиза замолчала. Ей очень хотелось обвинить его. Найти виноватого, на которого можно выплеснуть всё, что накопилось за эти дни. Но она вдруг поняла, что даже этого сделать не может.

— Я сама себя обманула, — тихо произнесла она и буквально рухнула на лавочку.

Некоторое время Лиза пыталась отдышаться.

— И самое страшное, что узнать правду я хочу сейчас. Сейчас, понимаешь?

Илья медленно сел на другой конец лавочки, сохраняя между ними расстояние.

— Каково это — жить и знать, что огромный кусок твоей жизни просто не существует? Нет, существует, но не так, как ты помнишь? Хреново жить такую жизнь. А я ведь помню всё. Помню квартиру, окончание института, первые подработки. Помню, как пришла в «Контур» простым логистом. И что из этого правда? Что из этого — я?

Лиза посмотрела на Илью. Он был чернее тучи, но теперь внимательно слушал её. И почему-то от этого взгляда снова спёрло дыхание. Он казался до жути, до боли знакомым. Тяжёлый взгляд, от которого невозможно скрыться. Казалось, он обнажал её тело и душу. Лиза не могла его вынести, но стоило отвести глаза, как ей снова хотелось утонуть в его зелёных глазах. Они словно говорили: *«Я знаю тебя лучше, чем ты сама себя».*

Они молчали, сидя по разные стороны лавочки. И никто не вставал. Словно оба нуждались друг в друге, хотя ни один не знал, что теперь с этим делать. Самым страшным было то, что он знал, почему она не любит книги без картинок, а она ещё несколько минут назад не знала даже его имени.

— Лимончик ещё жив? — вдруг спросил Илья.

— Лимончик… Что?

— Ты однажды принесла домой маленькое дерево. Сказала, что это лимон. У тебя вечно умирали растения, но ты твёрдо решила, что этот лимон будет жить с… — Он осёкся. — Что Лимончик будет жить. Так он ещё жив?

У Лизы перехватило дыхание. Она помнила это лимонное дерево. И помнила, что Лимончиком называла его только в разговорах с Мирой.

«Мира, что сделать, чтобы Лимончик выжил?»

«Мира, какая подкормка нужна Лимончику?»

«Мира, Лимончик дал первый плод!»

Лимончик до сих пор стоял на подоконнике вместе с другими растениями. И Лиза прекрасно помнила, как впервые принесла его домой. Вот только в её воспоминаниях рядом никого не было и это было её первое живое растение в квартире. Она медленно повернулась к Илье.

— Ты взломал Миру?

— Что?

— Ты взломал Миру! Боже, какая я дура!

Лиза вскочила с лавочки как ошпаренная.

— Ты мошенник! Боже, как я сразу не догадалась!

В голове мгновенно начал складываться пазл. В университете им почти полгода рассказывали о мошеннических схемах, связанных с персональными нейросетями. О краже личных архивов, подмене данных, попытках получить доступ к чужим воспоминаниям. Именно так он мог узнать, где она бывает, что любит и какие имена использует в разговорах с Мирой. Ведь персональный помощник знал о человеке почти всё.

Личные нейросети были словно второй головой. И если кто-то получал незаконный доступ к этой второй голове, то мог не только следить за человеком, но и влиять на информацию, которую тот получал о собственной жизни.

Лиза полезла в карман за телефоном. Но Илья оказался быстрее. Он резко выхватил устройство из её рук.

— Ты что делаешь?!

Лиза машинально потянулась к наушнику, собираясь обратиться к Мире, но Илья перехватил её руку и выдернул наушник из уха. Она отшатнулась.

— Я сейчас буду кричать!

— Кричи.

Ответ ввёл Лизу в ступор. Она не понимала, что чувствует. Боялась его, злилась, одновременно хотелось рассмеяться над нелепостью происходящего. Над ним, над собой, над тем, как быстро она успела поверить совершенно незнакомому человеку. Эмоциональные качели, каких она раньше почти не испытывала.

— Я вызову службу безопасности! Тебя посадят!

Лиза с вызовом посмотрела Илье в глаза. И увидела, как меняется его лицо: он сжал челюсти. На скулах выступили желваки, и в глазах появилась злость, которой ещё минуту назад не было.

Лиза испугалась по-настоящему.

Илья с размаху бросил наушник об асфальт. Тот разлетелся на мелкие осколки.

— Это растение ты принесла к нам в квартиру! К нам! — выкрикнул он. — Лимончик — так я его назвал!

Лиза отступила.

— Хочешь вызвать безопасников? Вызывай! Думаешь, я мошенник? Хорошо!

Он шагнул к лавочке, схватил лежавшую там книгу и быстро раскрыл её примерно посередине. Между страницами оказались три сложенных бумажных снимка.

— Но вот это…

Илья развернулся к Лизе и бросил снимки к её ногам.

— Это не исправит ни твоя Мира, ни я, ни ты! Чёрт тебя возьми!

Он положил телефон Лизы на лавочку, забрал книгу и ушёл.

Лиза осталась стоять. Она смотрела ему вслед, совершенно не понимая, как реагировать. Тело словно превратилось в статую, единственным предназначением которой было наблюдать

за происходящим. Она перестала что-либо чувствовать. Только стояла возле лавочки, глядя на спину удаляющегося мужчины.

В какой-то момент Лиза даже испугалась пошевелиться. Казалось, стоит двинуть хотя бы пальцем — и на неё снова обрушится всё то, что она сейчас не способна вынести.

Прошло какое-то время.

От Ильи не осталось и следа. Даже окурок давно исчез в недрах мусорной урны, а на город постепенно опускались сумерки. Лиза наконец оттаяла. Посмотрела вниз.

Ветра почти не было, поэтому бумажные снимки всё ещё лежали возле её ног. Рядом поблёскивали осколки наушника. Она медленно присела и подняла снимки. Не решившись посмотреть на них сейчас, сложила их и убрала в карман. Потом забрала телефон с лавочки и направилась прочь. В противоположную сторону от той, куда ушёл Илья.

Дверь квартиры тихо пикнула, когда Лиза обессиленно вошла внутрь.

В квартире было темно и тихо. Только фиолетовая подсветка Миры освещала спальню, переливаясь по стенам словно волны. Сработали датчики движения, и свет плавно зажёгся.

— Привет! Рада, что ты вернулась! Как прошла встреча с куратором? — тёплый голос Миры раздался по квартире.

Лиза и сама не понимала, что сейчас чувствует. Только усталость сковывала мысли и тело.

— Ты устала? Вскипятить воду для чая?

Мира знала, что после тяжёлого дня Лиза всегда приходила домой и просила поставить чайник, а потом заваривала успокаивающий чай с жасмином и мелиссой.

— Я заметила, что у тебя накопилось много сообщений по работе. Михаил звонил несколько раз, партнёры из центра коммуникаций и…

— Стоп. Я хочу побыть одна, — выдавила из себя Лиза и повалилась на кровать прямо в одежде.

Веки быстро отяжелели, и Лиза погрузилась в беспокойный сон.

Ей снился чёрный силуэт, который она пыталась догнать, но никак не могла. Снилось разбитое лимонное дерево и как она плакала над рассыпанной землёй. Снились крыши высоток и лужи, в которых отражались чужие тени. Она всё пыталась кого-то догнать, пока вдруг не поняла, что это не она преследует кого-то, а кто-то гонится за ней. Лиза бежала по бесконечным лестницам, перескакивая через ступени. На сто двадцать шестом этаже она наконец выскочила на крышу. Позади приближались тени без лиц, а впереди оставался только парапет и устрашающая бездна из красных огней.

Лиза прыгнула.

Прыгнула в бездну и проснулась в холодном поту. На часах было три ночи.

Она лежала на кровати полностью одетая. Глаза ещё слезились, а руки судорожно сжимали воротник пальто.

Браслет Лиза ещё утром оставила дома на зарядке, поэтому Мира не могла отслеживать её пульс и другие физиологические показатели в течение дня. Но сейчас Лизе было сложно даже оценить собственное состояние.Она не сразу поняла, что проснулась. Только почувствовала облегчение от того, что больше не нужно убегать от теней.

Лиза сбросила одежду и отправилась в душ.

Она сделала воду почти обжигающей. Внутри было так пусто, что Лиза сама почувствовала себя одной из тех теней из сна. Чтобы хоть как-то ощутить себя живой, она подставила лицо под горячие струи.

Мыслей не было.

Не было и чувств.

После душа Лиза вернулась в спальню, взяла пальто и достала из кармана телефон и три сложенных бумажных снимка. Положила их на стол.

Сама заварила чай, просмотрела пропущенные сообщения и звонки. Михаил несколько раз спрашивал, всё ли у неё хорошо. На работе ждали ответа по поставкам оборудования. Но ей было настолько всё равно на происходящее вокруг, что она даже не стала никому отвечать. Взгляд снова упал на бумажные снимки. Лиза взяла их в руки.

Бумага была глянцевой, но несколько раз сложенной. На сгибах появились глубокие белёсые трещины, а уголки немного обтрепались. Было видно, что снимки хранили не слишком бережно. Возможно, их часто доставали, разворачивали, рассматривали, а потом складывали обратно. Лиза не понимала, что хочет там увидеть. И что вообще может увидеть.

Она пыталась представить содержание фотографий заранее, чтобы хоть немного заглушить тревогу. Ведь тревога возникает от неизвестности, а неизвестность теперь сопровождала Лизу повсюду, крепко держа за руку, словно мама ребёнка, которого впервые ведут в школу.

— Мира?

— Слушаю, Лиза.

— Что нужно сделать, чтобы взломать тебя?

— Получить несанкционированный доступ к моей системе довольно сложно. Для этого потребуется обойти несколько независимых уровней защиты. Но абсолютно неуязвимых систем не существует. Почему ты спрашиваешь?

— А ты бы мне сказала, если бы тебя взломали?

Вопрос был заведомо странным. Лиза и сама понимала, что в случае успешного взлома ответы Миры тоже могли оказаться ненадёжными. Но ей всё равно хотелось услышать подтверждение.

— Если бы я обнаружила признаки вмешательства, я бы немедленно сообщила тебе и службе безопасности. На данный момент таких признаков нет. Но отсутствие обнаруженных нарушений не является абсолютной гарантией. Лиза, ты подозреваешь, что кто-то получил доступ к нашим данным?

— Я сегодня разговаривала с мужчиной. Тем самым, в чёрном пальто. Он знает, кто такой Лимончик. И говорит, что… что это он так его назвал. Как такое может быть?

Мира ответила не сразу.

— Возможно, он получил эту информацию от тебя раньше. Или от человека, с которым ты ею делилась. Я не могу исключить и несанкционированный доступ к личным сведениям, но пока у нас нет его подтверждения.

— Я никому не рассказывала про Лимончика.

— Ты не помнишь, чтобы рассказывала, — мягко уточнила Мира. — Это не совсем одно и то же.

Лиза замолчала.

Она была слишком уставшей, чтобы спорить или как-то реагировать на ответы Миры, поэтому снова переключила внимание на фотографии, которые всё это время не выпускала из рук.

Не открывать их так долго было определённой формой мазохизма. Но Лиза даже находила в этом какое-то странное удовольствие. Пока снимки оставались сложенными, она ещё могла представить, что ничего необычного в них нет. Она боялась смотреть правде в глаза. И отчаянно хотела.

Наконец Лиза выдохнула и развернула фотографии.

Их было три.

Она положила снимки друг на друга, так что первым оказался тот самый выпускной. Лиза сразу узнала фотографию. Всё, как она помнила. Всё, как на снимке из её ленты. Всё, кроме одного.

Фотография действительно была горизонтальной.

И рядом с Лизой стоял тот мужчина. Её голова покоилась у него на плече. В руках она держала белые хризантемы, а он нёс её выпускную мантию. Одной рукой мужчина придерживал мантию, а другой обнимал Лизу за талию. Он улыбался.

Лиза впервые видела на его лице такую улыбку. Не тяжёлый взгляд, не усталость, не тёмные круги под глазами. Он выглядел молодым, беззаботным, даже немного смешным. Тёмные волосы торчали в разные стороны, словно он весь день то и дело запускал в них пальцы, а зелёные глаза слегка щурились от солнца. Они оба выглядели счастливыми.

Лиза придвинула фотографию ближе.

На нём была её мантия. Именно её, потому что — и это она помнила точно — Лиза решила, что не хочет надевать чёрную мантию с красными оборками, как у остальных, а хочет красную с чёрными. Она выделялась среди одногруппников, и это была точно её мантия.

Вот и весь секрет.

Фотография действительно была горизонтальной. Она действительно держала белые хризантемы. Но действительно ли он стоял рядом с ней?

Лиза сфотографировала снимок и отправила его Мире.

— Ты можешь проверить его на подлинность?

— Я могу провести предварительный анализ цифровой копии. Для более точной экспертизы потребуется исследовать оригинал и его происхождение. Разрешаешь начать проверку?

— Да, конечно.

Прошло несколько секунд.

— Я не обнаружила явных признаков цифрового монтажа в пределах доступного изображения.

— А это может быть сгенерированная фотография? Ты можешь определить?

— Я не выявила характерных признаков генерации. Но это не доказывает подлинность снимка. Особенно если изображение было создано или обработано с помощью современных систем, а затем напечатано.

Лиза опустила телефон. Как же ей хотелось, чтобы фотография оказалась обычной подделкой. Она была готова признать, что ошибалась насчёт горизонтального снимка. Что всё это время память играла с ней злую шутку. Но теперь ошибкой было слишком многое.

В одно мгновение стало ещё тяжелее. Плечи опустились, дыхание снова сбилось. Лиза подумала о кабине очистки. О том, как спокойно было сидеть в тёплом кресле и слушать лёгкое жужжание техники. Она сделала несколько глотков чая с жасмином, прошлась по комнате.

— Мира, а память может быть подделкой?

— Человеческая память не всегда точно воспроизводит прошлое. Со временем воспоминания могут изменяться, а при глубокой коррекции некоторые связи между событиями восстанавливаются с помощью сохранённых фактов и контекстных сведений.

— То есть я могу помнить то, чего на самом деле не было?

— Такое возможно. Но это не означает, что вся твоя память недостоверна. Большинство фактов твоей биографии сохраняются независимо от эмоциональных коррекций.

— А если коррекция была не обычной?

Мира помедлила.

— Тогда достоверность отдельных биографических эпизодов необходимо оценивать по исходным архивным данным. Ты уже подала запрос на ознакомление с ними, Лиза.

Ответ Миры неприятно кольнул. Она была рядом всю жизнь. Помогала Лизе учиться, работать, выбирать мужчин, переживать расставания. Мира помнила её первые шаги, первые буквы, первые влюблённости. И теперь Лизе казалось, что собственная жизнь раздваивается. Была жизнь, которую она помнила. Та, что всё это время казалась непреложной правдой. И была какая-то другая. В которой существовал мужчина с зелёными глазами, который обнимал её на выпускном и знал, как она называла лимонное дерево.

Впервые Лиза подумала, что даже Мира может быть частью этого обмана. И от этого стало больнее всего. Она решила не делать поспешных выводов и посмотреть остальные фотографии. Возможно, там найдётся хоть какой-то ответ.

Кто эта улыбающаяся девушка на снимке? И кто мужчина рядом с ней?

Но вторая фотография не принесла ни ответов, ни облегчения.

Это снова были они. В той самой первой квартире Лизы. Она помнила её до мельчайших подробностей: скрипучие полы, узкую прихожую, маленькую кухню, в которой постоянно не хватало места. Помнила, как долго выбирала мебель и как радовалась, когда наконец смогла позволить себе жить отдельно.

Но не помнила его в этой квартире.

И этой фотографии тоже не помнила.

На снимке повсюду стояли коробки с вещами. Лиза смеялась, запрокинув голову, и обнимала мужчину. На нём красовалась нелепая шапочка из фольги. Одной рукой он прижимал её к себе и целовал в висок. Теперь его лицо было видно ближе. Тот же острый подбородок, чуть неровный нос и тёмные волосы. Но лицо совсем другое. Без измождённости и тяжёлого взгляда. Возле губы едва заметно светлел маленький шрам.

Лиза вспомнила, как несколько дней назад ей вдруг захотелось прикоснуться к нему. От этой мысли стало не по себе. На фотографии он выглядел так, словно смеялся вместе с ней. Даже с закрытыми глазами было видно, что он счастлив. Это был совершенно обычный домашний момент. Нелепая шапочка, картонные коробки, смятая одежда. Но именно поэтому он казался таким настоящим.

Лизе вдруг стало трудно смотреть на собственную улыбку. Она не могла вспомнить, когда в последний раз смеялась вот так — широко, с запрокинутой головой, совершенно не думая о том, как выглядит со стороны. Она сама не чувствовала себя настолько настоящей, как на этой фотографии.

Третий снимок ударил глубоко под дых.

Одной из самых больших мечт Лизы было наконец выбраться к морю. Улететь на юг, посмотреть на волны, послушать их шорох, почувствовать солёный ветер на коже. Но всё никак не складывалось. Корпоративная жизнь затянула её почти сразу после университета. Работа, квартира, повышения. То не хватало времени, то денег, то находились дела поважнее.

А на фотографии они стояли на берегу моря в свете закатных лучей. Она — в бежевом шёлковом платье-комбинации. Он — в лёгком белом льняном костюме. Илья смотрел на море, поднеся её руку к губам. Второй рукой Лиза обнимала его сзади за талию, прижимаясь всем телом к его спине. Ветер растрепал ему волосы. Она узнала знакомую тёмную макушку, немного сутулые плечи, его руку, крепко державшую её ладонь. Но на этой фотографии в нём не было ничего от того измученного мужчины, которого она встретила сегодня в сквере.

В белой рамке полароидного снимка было написано:

«Наше первое море. Безумно люблю тебя, мой мир. 2085 г.»

Это был почерк Лизы.

Именно она так старательно выводила букву «р» с длинной палочкой. Именно она завивала буквы на концах слов. Это был её почерк. Это была она.

Лиза провела пальцами по фотографии, словно надеялась, что воспоминание пройдёт сквозь бумагу, через кожу и вернётся в память. Что она вдруг почувствует солоноватый морской воздух, ветер в волосах, тепло его тела. Вспомнит, как пахли его волосы. Как звучал его голос. О чём они разговаривали в тот вечер.

Но ничего не происходило.

Перед ней оставалась только фотография.

На ней была она — счастливая, влюблённая, на берегу моря, которое, как ей казалось, она никогда не видела.

— Мира… Мира… — Лиза не сразу поняла, что по щекам катятся слёзы, а нос уже давно заложило. — Мира, я его так любила. Я любила Илью!

Глава 5

Глава 5

Впервые за долгое время Лиза слушала гул пустоты. Обволакивающий, немного пугающий и одновременно совершенно приятный для ушей. Она даже слышала своё неровное дыхание, чувствовала, как поднимается и опускается грудная клетка, как немного слипаются глаза от усталости. На какой-то момент ей показалось, что она даже скучала по таким простым мгновениям: просто слушать и чувствовать.

По щеке стекла очередная слеза.

В голове было пусто, но сердце… сердце предательски болело. Транквилизаторы помогли отключить мысли, привести тело в состояние, близкое к стабильному, но что-то в грудной клетке продолжало предательски ныть.

Первые лучи солнца прокрались в комнату, освещая полностью погасший терминал Миры. Разбитый стакан с остатками вчерашнего холодного чая, расплескавшегося по светло-коричневому ламинату. Солнечные зайчики подсветили лимонное дерево, которое теперь вместо привычного кухонного подоконника стояло прямо напротив кровати, на полу. Рядом с ним лежали две старые фотографии.

Третью Лиза сжимала в руке, прижатой к груди.

Она боялась заснуть и проснуться, не помня того, что уже узнала. Боялась и не заснуть — эмоции были настолько сложными и непривычными, что транквилизаторы стали единственным спасением.

Лиза продолжала лежать, глядя в потолок, пока по квартире не раздался треск домофона.

Она с трудом поднялась с кровати. Тело едва слушалось, казалось тяжёлым, как бетонная стена, которую не сдвинуть с места. Единственный выход — снести, развалить на кирпичики.

На ватных ногах Лиза подошла к небольшому планшету, с экрана которого ей улыбался мужчина.

— Лиза, привет! Я очень беспокоился за тебя. Всё хорошо? Ты не отвечала ни на сообщения, ни на звонки, и я подумал… В общем, я принёс кофе. Если ты дома, открой мне, пожалуйста. Знаю, что санитарную неделю бывает сложно пережить, но лучше же переживать её вдвоём. Я не настаиваю… Просто очень хотел тебя увидеть.

Лиза медленно сползла по стене, продолжая смотреть на чистого, гладко выбритого, пышущего энергией Михаила. Он смущённо улыбался и ждал, когда откроется дверь подъезда.

В какой-то момент замок щёлкнул — из дома выходил сосед, — Михаил чуть отступил, пропуская его, но внутрь не вошёл. Остался стоять перед домофоном, иногда поглядывая в камеру.

Лиза обхватила колени руками, уткнулась в них носом и закрыла глаза.

Свет солнечных лучей, проникавших в спальню, постепенно менялся. Из бледно-жёлтого становился ярким, почти белым, а к вечеру приобрёл глубокий оранжевый оттенок. Если присмотреться, в нём можно было увидеть крохотные частички пыли, которые медленно плавали в воздухе, то появляясь, то исчезая на свету.

До конца санитарной недели оставалось ещё пять дней.

Когда лучи осеннего солнца снова встретились с Лимончиком на полу, Лиза пряталась под тяжёлым одеялом. В темноте розового пододеяльника воздух был тёплым, спёртым, и ей казалось, что кислород постепенно заканчивался.

Сначала она не хотела выбираться из своего одеяльного забытья, но потом резко откинула одеяло. Раздражённо пнула ногой край, который мешал встать, соскочила с кровати и опустилась на колени рядом с Лимончиком.

Взяла фотографию с выпускного. Поджала губы и включила домашний терминал Миры.

По комнате разлилось знакомое фиолетовое свечение, сопровождаемое характерным жужжащим звуком запуска системы.

— Мира.

— Привет, Лиза! Как ты себя чувствуешь?

— Напомни мне адрес архитектурного бюро Насти, — не ответив на вопрос, сразу перешла к делу девушка.

Мира назвала адрес, но тут же предупредила, что в городе сейчас пробки, дорога займёт значительно больше времени обычного и, возможно, лучше договориться с Настей о встрече в их любимом заведении.

Архитектурное бюро находилось глубоко в пригороде, а Лиза очень не любила туда ездить. Точнее сказать, *никогда* туда не ездила.

Их встречи с Настей всегда проходили где-то в городе, иногда даже в кафетерии «Контура», но, порывшись в памяти, Лиза пришла к выводу, что работу подруги она никогда не видела.

Сегодня была только среда, а Настя не из тех девушек, которые берут отпуск на санитарную неделю.

Лиза решила навестить её.

— Я могу уточнить у Насти, находится ли она сейчас в бюро, — предложила Мира.

— Не нужно. Я сама.

— Хорошо. Но предупреждаю, что на основных магистралях сейчас значительные заторы. Поездка может занять больше времени, чем ты рассчитываешь.

— Мира, я поняла.

— Хочешь, я хотя бы предупрежу её о твоём приезде?

— Нет.

Мира больше не настаивала.

Лиза собралась, наскоро привела себя в порядок и вышла из квартиры. Перед этим попросила Миру подготовить и отправить с её цифровой подписью уведомление о том, что на оставшиеся дни санитарной недели она берёт отпуск.

— Уведомление отправлено, Лиза. Я сообщу, когда придёт подтверждение.

— Спасибо, Мира.

Перед подъездом, у стены возле домофона, стоял полный стакан кофе из ближайшей кофейни.

Лиза обратила на него внимание, но не стала лишний раз думать о том, что заставила мужчину, которому так нравилась, стоять и ждать её. В конце концов, она не несла ответственности за его чувства и поступки. Пройдя мимо стакана, Лиза села в машину.

Когда автомобиль начал выезжать с парковки под управлением Миры, Лиза отключила автоматическое вождение и взяла руль в свои руки. Это было странно знакомое ощущение контроля над дорогой и машиной, словно с каждым новым поворотом тревога оставалась всё дальше позади, а уверенность в собственных действиях постепенно возвращалась.

Лиза ехала по большой объездной дороге, мимо многоквартирных муравейников, корпоративных зданий и огромных цифровых билбордов. На экранах то и дело появлялись счастливые семьи, влюблённые пары, улыбающиеся друг другу друзья и коллеги, встречающиеся за чашкой кофе.

«Главное не забывается».

Слоган сопровождал одну счастливую картинку за другой. На одном экране женщина обнимала ребёнка, на соседнем пожилая пара смеялась за праздничным столом. Изображения были настолько яркими, что даже в пасмурный день казались освещёнными солнцем.

Лиза давно перестала обращать на них внимание.

Когда она выехала за пределы центральных кварталов, обстановка начала постепенно меняться. Высотки становились реже, между ними появлялись старые жилые дома, не облицованные стеклом и металлом. Их фасады были разных цветов, местами облупившиеся, с тёмными потёками под окнами. Всё чаще встречались нестриженые газоны, разросшиеся кусты и деревья, ветки которых никто не спешил подрезать.

Постройки становились ниже, и теперь можно было, не слишком запрокидывая голову, увидеть их крыши.

В какой-то момент Лиза заметила, как много вокруг стало неба. В центре города оно всегда оставалось где-то высоко, между бесконечными стеклянными стенами, а здесь раскинулось над домами, огромное, серое, с тяжёлыми облаками, которые ветер гнал куда-то на север.

Лиза сильнее сжала руль, до побелевших костяшек, и прищурилась, всматриваясь в дорогу. Так далеко она почти никогда не выезжала по собственной воле, и чем дальше оставался центр, тем заметнее менялось всё вокруг. Идеально ровное дорожное покрытие сменилось асфальтом с заплатками, на которых скапливалась дождевая вода. Автомобиль то и дело предупреждал о неровностях, а Лиза всё чаще чувствовала мелкую вибрацию руля.

На остановках стояли люди, ожидая транспорт не в светлых просторных павильонах с подогревом и персональными информационными панелями, а под обычными навесами. Некоторые держали зонты, другие прятали руки в карманы и переминались с ноги на ногу. Возле одной остановки женщина сердито разговаривала с мужчиной, размахивая пакетом с продуктами. Тот отворачивался, потом что-то отвечал, и она начинала снова.

Лиза невольно проводила их взглядом.

Мимо проехал старый автобус, который шумно затормозил перед перекрёстком и выпустил облако сизого выхлопа. Лиза поморщилась, пытаясь вспомнить, когда в последний раз чувствовала запах автомобильных выхлопов.

На обочинах лежали жёлтые листья, мокрые, слипшиеся, местами уже коричневые. Их никто не убирал, и ветер то и дело поднимал небольшие вихри, бросая листву под колёса проезжающих машин. Впервые за долгое время Лиза увидела дворника в ярком жилете, который собирал листья обычными граблями, и почему-то удивилась.

Впрочем, удивляться здесь было нечему. Автоматическая уборка обходилась дорого, а далеко не каждый район мог позволить себе инфраструктуру, к которой она привыкла.

Лиза прекрасно это знала, понимала, сколько стоит обслуживание оборудования и почему многие муниципальные центры не спешат заключать новые договоры с корпорациями. Это ведь было частью её работы. Однако знать и видеть оказалось совершенно разными вещами.

Когда годами живёшь в одном районе, работаешь на одной работе и редко выбираешься за пределы привычных кварталов, мир постепенно сжимается до нескольких улиц. Автоматические уборщики, бесшумные машины, ровные газоны, высокие здания с бесконечными лозунгами — всё это становится настолько естественным, что перестаёшь замечать. Стоит уехать чуть дальше, и привычный мир словно заканчивается, будто это уже не тот город, в котором ты живёшь, а совершенно другая планета.

Лиза поймала себя на неприятной мысли: ей здесь не нравилось. Старые дома, грязные обочины, шум транспорта, прохожие, которые то и дело смотрели друг на друга, громко разговаривали, смеялись и спорили, совершенно не пытаясь скрывать раздражение или усталость.

Девушка вдруг вспомнила, как после одной из командировок просила Миру включить в вечернюю очистку неприятные впечатления от поездки. Потом была ещё одна командировка.

И ещё. Лиза уже не могла вспомнить, что именно её тогда расстраивало, только знала, что каждый раз возвращалась домой с облегчением, а на следующее утро снова чувствовала себя совершенно спокойно.

Лиза припарковалась возле двухэтажного здания в тихом районе. Вывеска не подсвечивалась. На простом алюминиевом листе было написано: Архитектурное бюро «Второй план». Ниже мелкими буквами значились часы работы и номер телефона.

Ветер здесь был сильнее. Он раскачивал деревья и сбивал с ветвей увядшие жёлтые листья. Где-то за соседним домом скрипела металлическая калитка. Лиза вышла из машины и подняла воротник бежевой дутой куртки.

Здание казалось таким маленьким, что его можно было обхватить двумя руками. Всего два этажа, узкие окна, потемневшие от дождя стены. В небольшом холле пахло старым деревом, мокрой одеждой и чем-то сладким, похожим на выпечку. Пол был выложен потёртой плиткой, вдоль стены стояли горшки с растениями. Одно из них разрослось настолько, что почти перекрыло табличку с расположением кабинетов.

За стойкой сидел охранник. Перед ним стояла чашка горячего чая, а на небольшом экране шла какая-то телевизионная передача. Мужчина смотрел её с таким увлечением, что появление Лизы явно пришлось некстати.

— Добрый день. Подскажите, пожалуйста, как пройти в архитектурное бюро?

Охранник нехотя оторвался от экрана.

— Второй этаж.

— А какая дверь?

Он вздохнул, словно Лиза задала невероятно сложный вопрос, и подвинул к ней планшет.

— Сначала распишитесь. Фамилия, цель визита.

Лиза немного удивилась.

В «Контуре» идентификация занимала секунду. Достаточно было пройти через входную зону, и система сама определяла, кто пришёл и куда направляется. Здесь же нужно было собственноручно вносить данные.

Она расписалась, дождалась подтверждения и снова посмотрела на охранника. Тот махнул рукой в сторону лестницы.

— Наверх и направо.

Лиза поднялась по узкой лестнице. Ступени немного скрипели под ногами, а на стенах висели фотографии старых зданий, чертежи и изображения каких-то проектов. На одном снимке был изображён совсем небольшой дом с красной крышей, окружённый деревьями. На другом — восстановленный городской сквер, где вместо обычных дорожек между лавочками росла высокая трава.

Она задержалась на секунду, рассматривая фотографии. В них было что-то очень странное: Настя проектировала здания не такими, какими их привыкла видеть Лиза. Не огромными, не блестящими, не стремящимися достать до неба. Простыми.

Когда Лиза оказалась напротив нужной двери, она сунула руку в карман бежевой куртки и сжала сложенные бумажные фотографии. Их шершавая, потрескавшаяся на сгибах поверхность уже была знакома ей наизусть. Даже как будто успокаивала.

Она попыталась заранее проговорить, что скажет Насте, но мысли никак не складывались в нужную последовательность. Слишком много вопросов. Слишком много эмоций. Слишком много мыслей, с которыми приходилось жить рука об руку последние дни.

Лиза сделала глубокий вдох. Тихо постучала и открыла скрипучую дверь.

Это было небольшое помещение, в центре которого располагались два кожаных дивана друг напротив друга, а между ними — тяжёлый стол из тёмно-коричневого дуба. На стене

висел разрисованный красный ковёр, на котором белой краской из баллончика было выведено название бюро.

По углам стены обвивал плющ, между зелёными листьями виднелись книги, журналы и разбросанные листы с чертежами и рамками для фотографий. Внутри пахло кофе с корицей и сыростью. По потолку тянулись тонкие полоски трещин, одна из которых доходила почти до самого светильника.

Было удивительно видеть столько бумаги в одном помещении. От неё уже давно старались избавляться, предпочитая старым подручным материалам цифровые. Бумага могла потеряться, разорваться, испортиться от воды, а цифровые документы всегда были рядом.

Хотя теперь Лиза уже не была так уверена в последнем.

На одном из диванов сидели Настя и незнакомый мужчина с ухоженной седеющей бородой, в горчичном кардигане. Они пили кофе из керамических кружек и о чём-то оживлённо спорили.

Лиза немного поразилась тому, что посреди рабочего дня у них находилось время вот так просто сидеть, пить кофе и разговаривать. Её распорядок был значительно жёстче. Она точно не стала бы отвлекаться на лишнюю болтовню во время работы.

— Лиза…

Настя обернулась на звук открывшейся двери, и в её голосе сразу послышались нотки тревоги.

— Что ты здесь делаешь?

— Извините, что отвлекаю, — Лиза потупила взгляд на скрипучие деревянные половицы.

Казалось, весь этот дом состоял из бетона, дерева, растений и макулатуры.

— Эм… Да всё хорошо! Просто очень неожиданно! — подруга быстро поднялась и помогла Лизе снять куртку, повесив её на железную вешалку. — Мы тут как раз о санитарной неделе разговаривали, — Настя мельком взглянула на мужчину в горчичном кардигане. — Обсуждали, кто как её проводит. В общем, ничего особенного.

Лиза молча оглядела комнату. Сначала она подумала: где здесь вообще можно работать, но потом заметила ещё одну дверь, ведущую в соседний кабинет. Там было ещё больше бумаги. Часть листов лежала даже на полу. На столе стояла настольная лампа, рядом — старый серый монитор, чертежи и целая россыпь карандашей. У окна громоздились картонные макеты домов, некоторые были склеены неровно, с выступающими краями.

Лиза вспомнила свой кабинет.

Чистые белые стены, несколько акварельных картин без рамок. Вместо монитора — тонкое стекло. Вместо бумаги — гладкий лакированный стол, на котором стояла её любимая игрушка-антистресс в форме старых клавиш клавиатуры с подсветкой. Всё было настолько разным, что ей даже стало немного неловко.

Она перевела взгляд на подругу. И только сейчас заметила, каким усталым было лицо Насти. Тёмные круги под глазами, мелкая сеточка морщинок в уголках глаз, чуть заметная складка между бровями. Настя по-прежнему была ухоженной, красивой, лучезарной. Но эта грусть в глазах… Неужели она всегда была такой?

Лиза пыталась вспомнить их последние встречи. Настя смеялась, жаловалась на работу, рассказывала что-то о мужчинах. Лиза помнила её улыбку, голос, даже то, в чём подруга была одета; но не помнила, чтобы когда-нибудь обращала внимание на её лицо. Словно впервые сидела напротив совершенно незнакомого человека.

Настя представила Лизу своему начальнику, , Алексею Владимировичу, предложила кофе с корицей и постаралась быть максимально гостеприимной. Но Лиза впервые уловила в её движениях какое-то едва заметное напряжение. Настя то и дело поправляла волосы, переставляла кружки, смотрела на дверь. Неужели ей всегда было некомфортно рядом с Лизой? Или всё дело в том, что та неожиданно приехала к ней на работу?

Мужчина с интересом посмотрел на гостью, пригласил присесть и, пока Настя заваривала кофе, поинтересовался, где она работает.

— В «Контуре».

— А-а, в «Контуре», — протянул мужчина, заметно оживившись. — Надо же… И как вам живётся без привычной очистки?

Он посмотрел на неё внимательно, почти пристально. Лизе стало не по себе.

Почему-то она вдруг начала вспоминать всех своих знакомых, коллег, начальников. Их взгляды, которые обычно скользили по лицам собеседников, задерживаясь лишь на мгновение. Разговоры, в которых каждый словно одновременно слушал другого и что-то обсуждал со своей нейросетью. А здесь мужчина смотрел прямо на неё, не отводил глаз, не отвлекался на уведомления, и Лизе казалось, что он замечает каждую её реакцию. Она смущённо улыбнулась, так и не ответив.

— Помню, когда начали вводить первые очистки, — продолжил Алексей Владимирович, слегка кашлянув и прочистив горло. — Тогда мне это казалось настоящим благом. А теперь? Это долбаное правительство всё вывернуло на свой лад. Думаете, им самим нужна очистка? Они ей пользуются? — Он отпил кофе с характерным причмокиванием. — Нейрокоммунизм! Всё людям! Только выбирают, что именно людям помнить, почему-то другие.

— Алексей, не нужно, — вмешалась Настя.

— Что? — Он повернулся к ней, искренне удивлённый. — Мне интересно поговорить с человеком из «Контура». Не каждый день у нас такие гости бывают, да ещё в разгар санитарной недели.

Настя поджала губы, но ничего не ответила.

— А чем именно вы занимаетесь? — снова обратился он к Лизе.

— Я… — Лиза почувствовала, что, если сейчас скажет, чем именно занимается, разговор станет ещё неприятнее. Она посмотрела на Настю, но та отвела взгляд. — Транспортно-логистический отдел.

— Распространители, значит… Понятно. — Алексей Владимирович откинулся на спинку дивана. — И часто вы проходите очистку?

Лиза молчала.

— Каждый день, значит. А в собственной памяти уверены?

Лиза почувствовала, как напряглась и выровнялась спина. Ещё неделю назад она бы без колебаний ответила, что абсолютно уверена. Возможно, даже рассказала бы ему о преимуществах технологии, о статистике эмоциональной устойчивости и о том, насколько чище стала жизнь человека. Теперь перед глазами возникло жёлтое платье, белые хризантемы и мужчина, которого не должно было быть на её выпускной фотографии.

Алексей Владимирович наклонился ближе, и Лиза почувствовала лёгкий запах перегара, смешанный с корицей и грифельной пылью. Ей захотелось отодвинуться.

— Вполне, — ответила она.

Голос прозвучал гораздо тише, чем хотелось. Настя наконец подняла на неё взгляд, но продолжала молчать.

— А у вас, Алексей Владимирович, есть уверенность в завтрашнем дне? — попыталась парировать Лиза.

Мужчина потемнел, словно туча. Несколько секунд он смотрел на Лизу, а потом вдруг раскатисто расхохотался, так громко, что ей показалось, будто от его смеха задрожал даже тяжёлый дубовый стол. Он погрозил девушке указательным пальцем и вытер губы.

— А ты не промах! Надеюсь, после всего, что я тут наговорил, ко мне не заявятся безопасники, а? Клевета, пропаганда! Антигуманные мысли! — Он снова рассмеялся, но теперь Лиза заметила, что глаза его оставались совершенно серьёзными. — Мы тут все в какой-то мере мыслепреступники. Да, Анастасия Романовна?

Настя тряхнула головой, расправляя по плечам каштановые волосы чуть ниже лопаток. Было заметно, что разговор ей неприятен, и она больше не собиралась позволять начальнику продолжать расспросы.

— Лиза, что-то случилось? Почему ты приехала сюда? За город?

— Я хотела поговорить с тобой, но, наверное, как-нибудь в следующий раз.

Лизу больно кольнуло то, что Настя даже не попыталась за неё заступиться. Она просто молчала и слушала, как её начальник откровенно высмеивает корпорацию, её работу и людей, которые ежедневно проходят очистку. В другое время Лиза непременно вступила бы в спор, объяснила бы, сколько всего было сделано для улучшения качества жизни, привела бы цифры, исследования, результаты внедрения технологий.

— А скажите мне, Лиза, — снова заговорил Алексей Владимирович, прищурив глаза, — вы никогда не задумывались, что некоторые вещи помните совсем не такими, какими они были?

Лиза почувствовала, как похолодели пальцы.

— Это уже лишнее, Алексей, — серьёзно сказала Настя.

А Лиза вспомнила фотографию в кармане куртки. Ей вдруг стало невыносимо находиться в этой комнате среди старых книг, чужих взглядов, запаха корицы и сырости.

— Я, наверное, пойду.

Она поднялась с дивана. Настя быстро подошла, взяла её за локоть и наклонилась к уху.

— Поговорим в кабинете.

Лиза отрицательно покачала головой и попыталась выдавить улыбку. Высвободившись из Настиных рук, она забрала куртку и вышла из кабинета в слегка прохладный, всё так же пахнущий сыростью коридор, даже не попрощавшись.

Уже за дверью она услышала голос начальника:

— Все они такие стерильные, аж тошно.

Лиза быстро спустилась по лестнице, стараясь как можно скорее оказаться подальше от этого человека. Возможно, на таких людей вообще стоило бы обратить внимание правоохранительным органам, ведь подобные высказывания могли иметь последствия!

Она почти выбежала из здания и только в машине смогла немного успокоиться. Знакомый салон, белая кожа сидений и тихое жужжание работающих систем действовали успокаивающе, возвращая ей привычное чувство безопасности.

Лиза уже собиралась завести машину, когда пассажирская дверь открылась и Настя села рядом.

— Зачем ты пришла? — спросила она.

По лицу подруги было видно, что произошедший разговор был ей неприятен, хотя в усталом взгляде всё ещё сквозило какое-то лёгкое сочувствие.

Лиза ехала к человеку, который всегда был её опорой, а теперь видела перед собой совершенно чужую женщину. Возможно, дело было в этом месте, начальнике или в том, что Настя чувствовала себя здесь гораздо увереннее, чем Лиза. Но почему-то впервые за долгие годы ей стало некомфортно рядом с собственной подругой.

— Это неважно.

— Ты никогда не выезжала дальше края города добровольно.

Лиза поморщилась. Она не любила, когда кто-то говорил о ней так уверенно. Особенно теперь.

— Почему ты работаешь с ним? Он такой… Такой…

— Честный?

— Грубый!

— Грубость и честность очень часто идут рука об руку.

— И ты согласна со всем, что он наговорил?

— Я не буду говорить о своих политических взглядах. Повторяю вопрос: зачем ты приехала?

Настя смотрела на неё, ожидая ответа, и Лиза немного поёжилась от такого напора.

Это точно была не Мира, которая, если ей не отвечаешь и не хочешь отвечать на вопрос, просто перестаёт его задавать. Настя же продолжала ждать, совершенно не пытаясь сделать разговор удобнее для Лизы. Она не знала, как задать вопрос так, чтобы он прозвучал максимально корректно, поэтому молча теребила заусенцы у ногтей, пытаясь собрать мысли в нужную последовательность.

— Лиза?.. — после долгого тяжёлого молчания Настя снова нарушила тишину.

Лиза посмотрела на подругу и достала из кармана фотографию. Молча передала её Насте.

— Горизонтальная.

Настя развернула снимок и почти сразу сложила обратно, положив его на приборную панель. Она несколько раз постучала по фотографии ногтем и внимательно посмотрела на Лизу.

— И что ты хочешь узнать? Кто этот мужчина?

— Нет, я знаю, что это Илья.

Настя замерла. На мгновение даже показалось, что она перестала дышать, настолько неожиданным для неё оказался этот ответ.

— Я говорила тебе недавно про эту фотографию. Я сомневалась, но почему-то точно знала, что она горизонтальная. Почему ты мне не сказала? Почему скрывала?

— Нет, Лиза. Это не моя тайна и точно не я должна тебе её рассказывать.

— А чья? Ильи? Ты моя подруга, а не его!

— Твоя. — Настя посмотрела прямо ей в глаза. — Это твоя тайна.

— Так расскажи мне её! Это же моя тайна!

— Я дала слово своей подруге Лизе, что не выдам эту тайну моей новой подруге Лизе! Так понятнее?!

Настя впервые за всё время повысила голос. Лиза отшатнулась, словно та замахнулась на неё, но Настя не стала извиняться. Она провела ладонью по лицу, задержала пальцы у переносицы и некоторое время молчала.

— Я пообещала тебе, — продолжила она уже тише, — что эта история останется со мной. Что бы ни случилось. Как бы ты ни спрашивала.

— Я уже подала заявку на восстановление.

— И когда назначили?

— Она на рассмотрении.

Настя усмехнулась. В этой усмешке не было ничего весёлого.

— Они с удовольствием забирают наши воспоминания. А вот получить их обратно не так-то просто, верно? Хотя они должны полностью принадлежать нам.

— Что ты имеешь в виду?

— То, что рассматривать твою заявку будут долго. Очень долго, — Настя немного помолчала. — И что тебе сказал Илья?

— То же, что и ты. Что он не хочет мне ничего рассказывать. Я должна вспомнить сама.

Настя посмотрела на неё с каким-то странным выражением.

— А ты хочешь?

Лиза не сразу ответила. За несколько последних дней она столько раз представляла себе этот момент. Думала, что, если окажется перед человеком, который знает правду, начнёт требовать ответы, кричать, возможно, даже умолять. Но теперь перед ней сидела Настя, и Лиза вдруг поняла, что боится услышать хоть что-нибудь ещё.

— Я не знаю, — тихо сказала она.

Настя кивнула, словно именно такого ответа и ожидала.

— Когда я увидела тебя у нас в бюро, сразу поняла, что что-то произошло. Точнее, начала подозревать. А потом Алекс со своей политикой… — Она покачала головой. — Ты бы точно начала с ним спорить, если бы не всё это. Ты раньше никому не позволяла даже слово плохое сказать об очистке.

Лиза опустила глаза. Ей хотелось возразить, но она вспомнила, как несколько минут назад сама едва не решила, что Алексеем Владимировичем должны заинтересоваться безопасники.

— Но я повторю свой вопрос, — сказала Настя. — Зачем ты приехала?

— Мне нужно найти Илью.

Настя медленно выдохнула.

— Лиза…

— Я хочу с ним поговорить. Я не помню, где мы встречались, не знаю, где он живёт, и даже не могу вспомнить, был ли у меня когда-нибудь его адрес. Он столько раз появлялся рядом со мной, а теперь, когда мне действительно нужно его найти, я не знаю как.

Настя ничего не ответила. В салоне снова повисло молчание.

— И очистка у вас не скоро, — наконец произнесла она. — Чистая неделя.

— Да.

— Значит, придётся всё это помнить.

Лиза почувствовала, как внутри снова поднялось раздражение.

— Настя, пожалуйста.

Та посмотрела на фотографию, лежащую на панели. Потом взяла её, достала из кармана огрызок карандаша, заточенного настолько остро, словно им можно было проткнуть кожу, и нацарапала несколько цифр на шероховатой обратной стороне снимка.

Лиза молча наблюдала.

Настя писала медленно, иногда останавливаясь, словно могла передумать в любую секунду.

— Я бы очень хотела, чтобы ты вспомнила, — сказала она, не поднимая головы. — Но в то же время я совершенно не хочу, чтобы ты вспоминала. — Она закончила писать и протянула фотографию Лизе. — Это твой выбор.

Лиза взяла снимок.

— Я бы не хотела, чтобы ты воспользовалась этим номером, — добавила Настя. — Лучше бы ты дождалась конца санитарной недели и снова прошла очистку. Потому что… — Она осеклась. — Неважно.

Лиза посмотрела на цифры. Они ничего ей не говорили. Просто неровные грифельные линии на старой бумаге, но теперь от этих нескольких цифр почему-то зависело слишком многое. Настя открыла пассажирскую дверь.

— Настя…

Подруга задержалась, но не обернулась. Лиза хотела спросить ещё столько всего. Почему та продолжала с ней дружить? Почему молчала? Почему сейчас так боится, что Лиза вспомнит? Но не произнесла ничего.

Настя вышла и закрыла дверь. Лиза смотрела, как та направляется к зданию, поднимая воротник куртки от ветра. У самого входа Настя остановилась и повернулась. Лиза опустила стекло.

— Илье передавай привет, — сказала Настя и немного помедлив добавила: — И… Мишане тоже.

Стекло медленно поднялось. Лиза осталась сидеть, глядя перед собой. Последнее имя почему-то ошеломило её сильнее всего. Но уточнять она уже не хотела. Решила, что теперь сама во всём разберётся. Всю жизнь Лизе казалось, что они просто разные: разная работа, разные взгляды, разный образ жизни. Но они всегда оставались подругами. Теперь она впервые

задумалась, насколько далеко они на самом деле друг от друга. И что, возможно, их встречи раз в полгода не спасали дружбу, а лишь помогали не замечать этого расстояния.

***

Настя уже собиралась открыть железную дверь и войти внутрь, но почему-то осталась стоять на улице. Она подняла с земли пожелтевший кленовый лист, присела на деревянную лавочку и посмотрела вслед удаляющемуся белому электрокару.

Лист медленно крутился в её пальцах. На большом пальце остались тёмные следы грифеля от карандаша, которым она только что написала номер на фотографии. Настя провела по ним ногтем, закусила губу и вдруг вспомнила, как три года назад деревья только начинали цвести.

Лужи наконец высыхали после долгих холодов, а солнце пригревало настолько приятно, что хотелось беспрерывно нежиться под его лучами и гулять по городу. Именно в такой тёплый, погожий денёк к ней в офис влетела Лиза.

Вся растрёпанная, с красными от слёз глазами и шмыгающим носом, она плакала и причитала, что больше так не может. Когда Настя попыталась её успокоить, Лиза только сильнее заходилась в рыданиях, повторяя одни и те же слова. Она хватала остро заточенные карандаши с Настиного стола и втыкала их себе в пальцы, пытаясь переключиться с душевной боли на физическую.

На подушечках пальцев оставались маленькие тёмные точки от грифеля, а Лиза продолжала вертеть в руках старые фотографии, говорить, что хочет всё исправить, хотя уже слишком поздно что-либо исправлять.

— Помоги мне, Настя, помоги мне… — причитала Лиза в объятиях подруги. — Только ты можешь мне помочь.

Тот вечер и всю последующую ночь они провели в офисе Насти. Она гладила Лизу по голове, слушала её сбивчивые рассказы, пыталась успокоить, а сердце обливалось кровью от одной мысли о том, что им ещё предстояло сделать.

И тогда, три года назад, как и сейчас, Настя набрала на своём смартфоне один и тот же номер.

— Сколько лет, сколько зим! — раздался мужской голос по ту сторону.

— Привет. У меня к тебе просьба.

— Однако… И что же за просьба?

— Сегодня или на днях тебе позвонит Лиза.

— Лиза? Она ищет меня?

— Не отвечай ей, пожалуйста.

Глава 6

Глава 6

Лиза мчалась по дорогам, иногда нарушая правила. Её главной целью было наконец уехать оттуда, где даже воздух казался пропитанным угарным газом, от которого становилось тяжело дышать. Машин на дорогах было не так много: во время санитарной недели многие горожане предпочитали не выходить из дома, а некоторые и вовсе уезжали из города.

Когда впереди промелькнул первый большой цифровой билборд с уже привычным слоганом «Здоровая память — здоровое общество», Лиза впервые за долгое время задумалась над его смыслом.

Возможно, всё, что она сегодня услышала, было какой-то другой стороной правды? Почему воспоминания так просто потерять и так сложно восстановить обратно? Только ли ради здорового общества была создана эта система или за всем этим скрывалось что-то большее?

Лиза старалась гнать подобные мысли прочь. Её ровно выстроенная жизнь рушилась с катастрофической скоростью, и меньше всего ей хотелось потерять то, что она так долго создавала. Она вдруг вспомнила свой сон, в котором убегала от теней, и её бросило сначала в холод, а затем в жар. Ладони вспотели, пальцы соскальзывали с руля, и в какой-то момент на одном из перекрёстков она проскочила на жёлтый свет, едва не задев пешехода, уже ступившего на переход.

От страха Лиза резко затормозила. Колёса заскрипели, оставляя чёрные полосы на асфальте, а система автомобиля тут же предупредила об опасном манёвре. Она поспешно включила Миру и передала ей управление, пытаясь привести мысли и эмоции хоть в какое-то подобие порядка.

Всё происходящее казалось настолько абсурдным, что Лизе отчаянно захотелось немного спокойствия. Она представила свою одинокую квартиру с привычным фиолетовым свечением Миры, от которого почему-то теперь становилось некомфортно, и достала из кармана фотографию. На обратной стороне были написаны цифры. Позвонить по этому номеру означало сделать ещё один шаг в неизвестность. Разве недостаточно она уже сделала таких шагов?

Лиза вспомнила последнюю встречу с мужчиной в чёрном пальто и снова посмотрела на фотографию. Всё-таки Илья на снимках и Илья, которого она встретила в сквере, казались двумя совершенно разными людьми. С фотографий на неё смотрел молодой, обаятельный парень, от которого словно исходило тепло, а сейчас перед ней был холодный, немного даже устрашающий мужчина с тяжёлым взглядом.

Да, их связывали общие воспоминания. Да, он был в её жизни, они были вместе, и когда-то она его любила. Однако, возможно, Настя была права и не стоило возвращать то, что Лиза так усердно пыталась спрятать от самой себя.

Она ещё немного подержала фотографию в руках, затем убрала её обратно в карман и набрала номер. Только не тот, который сулил холод и тревогу.

Она выбрала уже знакомый контакт.

— Ну слава богу! — тёплый голос Миши окутал Лизу словно одеяло, и она сама не заметила, как улыбнулась. — Я так переживал за тебя! Где ты?

— Прости, я уезжала в командировку за город.

— Ох, сочувствую. Был там пару раз и не хочу повторять это снова. Ты как? Голос очень уставший…

Лиза чуть не расплакалась от того, что хоть кто-то спросил её с такой теплотой: «Ты как?». Обычно эти слова произносили просто так, словно обязательную часть разговора, за

которой редко следовал настоящий интерес к ответу. А люди, которых она считала близкими… или которые когда-то были ей близки, — даже не спрашивали об этом.

Ей почему-то отчаянно захотелось увидеть Мишу, и она предложила встретиться в кофейне возле её дома.

Когда Лиза приехала, он уже ждал её.

Михаил встретил её тёплой улыбкой, и Лизу вдруг кольнул стыд за собственные мысли, когда она увидела оставленный им у подъезда стакан кофе. Возможно, Михаил был единственным человеком в этом страшном, абсурдном мире, который был готов принимать её с теплом, такой, какая она есть. Словно две параллельные струны всё-таки сошлись.

Однако она вспомнила его рассказ о прошлых отношениях, и что-то неприятно кольнуло внутри. Это была не ревность, скорее странное ощущение, что он отчаянно врёт самому себе, хотя сам об этом даже не подозревает.

Они устроились в уголке возле большого окна, чтобы никто им не мешал. Время от времени оба переводили взгляд на прохожих и начинали придумывать, кто из незнакомцев чем занимается, как живёт и о чём думает. Игра забавляла их обоих, и Лиза впервые за последние дни смогла немного отвлечься.

Они поговорили о её поездке. Лиза наврала с три короба о своей командировке, зато совершенно не соврала о том, насколько изматывающей она оказалась.

— Поэтому я и позвонила тебе, — сказала Лиза, чувствуя, как вспыхивают щёки. — Ты мой берег спокойствия и умиротворения.

Михаил улыбнулся и взял её за руку. Его ладонь была мягкой, нежной и тёплой, и Лиза вдруг подумала о том, какие руки у Ильи. Можно было поспорить, что холодные и шершавые, особенно после того, как она увидела его в сквере. Она отогнала это сравнение, даже не поняв, почему вообще решила сопоставить их.

— Слушай, я сегодня в командировке встретила такого премерзкого мужичка…

Миша не удержался от смешка.

— «Премерзкого», — повторил он, улыбаясь. — Прикольное слово. Давай дальше, извини.

— В общем, он жуткий либерал, но не в этом суть. Он сказал одну вещь: из-за стирания памяти многое может оказаться совсем не таким, каким нам кажется. У тебя такое было?

— В смысле?

— Ну смотри. Например, я помню фотографию горизонтальной, а в моём альбоме она почему-то вертикальная. При этом я совершенно уверена, что раньше она выглядела иначе.

— Это теоретический пример или тебя действительно что-то беспокоит?

— Теоретический, — ответила Лиза, боясь рассказать Михаилу правду.

— Наша память неоднородна. Даже при очистке система старается сохранить воспоминания так, чтобы не нарушалась общая связность событий. Однажды я читал очень старую книгу, пятидесятилетней давности, об исследованиях памяти. И знаешь что? Уже тогда говорилось, что воспоминания имеют свойство изменяться. Есть даже такой термин — ложные воспоминания. Так что, думаю, если не применялась глубокая очистка…

— А если применялась?

— Ну, это уже другой разговор. Глубокая очистка — словно ампутация. Знаешь, у раненых военных в годы больших войн часто ампутировали конечности, а потом люди продолжали чувствовать боль в руке или ноге, которой уже не было. Фантомные боли. — Он немного помолчал, подбирая слова. — Мне кажется, здесь что-то похожее. Человеку словно ампутируют часть прошлого, заменяя недостающие воспоминания своеобразными костылями, а он всё равно чувствует, что на этом месте что-то должно быть. И твоя фотография, возможно, такая же фантомная боль. Хотя, если говорить именно о формате снимка, я бы не придавал

этому большого значения. Горизонтальная, вертикальная… Если содержание не изменилось, какая разница?

Лиза задумалась. Ей хотелось возразить, рассказать, что иногда изменение формата фотографии может скрывать нечто гораздо более существенное, чем расположение людей в кадре. Но она промолчала, разглядывая Михаила и пытаясь понять, откуда у него столько рассуждений о памяти, если сам он, казалось, совершенно не сомневался в собственной.

— А ты никогда не испытывал… фантомных болей? — спросила она спустя некоторое время, осознав, что молчит уже слишком долго. — Ведь если ты пройдёшь глубокую очистку, то можешь даже не помнить, что её проходил.

— Пройти глубокую очистку почти нереально. — Лиза невольно усмехнулась его уверенности. — Но даже если предположить… Не знаю. Вот, например, я вчера был у твоего подъезда.

— Правда? Зачем? — с нарочитым удивлением спросила Лиза, старательно разыгрывая неожиданность.

— Волновался, — смущённо улыбнулся Миша. — Так вот, я взял с собой кофе. В предыдущие наши встречи ты кофе не брала, но я почему-то заказал капучино с двумя стиками сахара и попросил сделать его чуть горячее обычного. Причём сказал это совершенно автоматически. Как думаешь, угадал?

Лиза удивилась. Это был именно тот напиток, который она заказывала на протяжении всей жизни, ещё со студенческих времён, во всех кофейнях и кафетериях. Даже когда её вкусы менялись, к этому капучино она неизменно возвращалась.

Несколько секунд Лиза смотрела на Михаила, пытаясь понять, действительно ли это было случайностью, а потом решила провести небольшой эксперимент.

Она взяла паузу, нашла в телефоне старую совместную фотографию с Настей и протянула ему экран. Снимок был ещё университетский: после выпуска они почти не фотографировались вместе, предпочитая просто встречаться время от времени.

— А это зачем? — удивился Михаил.

— Просто подумала, что вы можете быть знакомы.

Миша внимательно посмотрел на фотографию и усмехнулся.

— Не все деятели творческих профессий друг с другом общаются.

Он вернул ей телефон, не проявив особого интереса к снимку.

Лиза убрала его и вдруг поняла, что Михаил, возможно, был ещё одной загадкой из её прошлого. Разгадывать её или оставить всё как есть? Она посмотрела в его серые глаза, полные счастливых огоньков, и её кольнула простая, почти очевидная мысль: «Он тоже решил забыть».

Это было всего лишь предположение, не подкреплённое ничем, кроме случайно угаданного кофе, старой фотографии и того, как Настя сегодня назвала его “Мишаней”. Но что же тогда произошло? Что осталось там, за пределами её памяти?

Лиза хотела рассказать ему о Насте, спросить, не кажется ли ему знакомым её лицо, однако почему-то решила, что это будет лишним. Миша был счастлив. Счастлив в своём неведении, тогда как прошлое уже наступало Лизе на пятки и кусало, словно дикая собака.

Возможно, это тоже был выбор.

Выбор не помнить.

Пока Михаил одевался, собираясь уходить, Лиза незаметно достала из кармана фотографию, развернула её и ещё раз посмотрела на Илью. Затем быстро сложила снимок и спрятала обратно, боясь, что кто-нибудь заметит старомодную бумажную фотографию в её руках.

Миша проводил её до дома и даже поцеловал на прощание. Его губы были тёплыми, но почему-то отдавали солью. Солью невыплаканных слёз, которые засели так глубоко в душе, что

Лиза уже перестала понимать, откуда они берутся. Она отстранилась и поспешно попрощалась с ним, только сейчас осознав, что этот вкус был от её собственных слёз.

Человек, с которым она только что целовалась на площадке перед своим домом, был слишком влюблён в неё. А она? Она думала лишь о том, что сейчас вернётся в квартиру и наберёт номер, звонок по которому откладывала всё это время.

Уверенность на этот раз складывалась из любопытства и желания наконец узнать правду. Лиза немного помедлила, глядя на цифры, которые перенесла с обратной стороны фотографии на цифровой экран. Зелёная кнопка вызова горела, словно приглашая сделать ещё один шаг, и в конце концов, пройдясь несколько раз по комнате с телефоном в руках и в очередной раз проверив правильность номера, она нажала на неё.

Гудки. Гудки. И снова гудки.

Лиза откинула телефон, словно прикоснулась к чему-то очень горячему.

Ответа не было. Её не хотели слышать.

Однако настойчивость вкупе с любопытством снова взяла верх, и через некоторое время она повторила попытку. И снова без ответа.

Лиза отложила телефон и попыталась чем-нибудь заняться: полила цветы, переставила Лимончика обратно на кухонный подоконник, собрала осколки разбитого стакана и отмыла засохшее чайное пятно на ламинате. Она занималась самыми обыкновенными домашними делами, которые ещё несколько дней назад казались ей незначительными, а сейчас помогали хотя бы ненадолго отвлечься от непрерывного потока мыслей.

Когда Лиза наконец посмотрела на экран, он был пуст. Никто даже не собирался ей перезванивать, и это почему-то немного задело её.

Она решила набрать номер в последний раз.

Гудки, гудки, гудки…

— Привет, Лиза, — раздался в телефоне мужской голос.

— Привет, а… — Она растерялась, потому что уже успела смириться с тем, что ей никто не ответит. — Это Илья?

— Слава богу, нет, — рассмеялись на другом конце провода.

— А… А кто?

Лиза вспыхнула и мысленно прокляла Настю за всё на свете.

— Это Сева.

— О боже… Я тебя не узнала! У тебя новый номер?

— Да вроде нет. Ты же знаешь, сейчас номер телефона поменять сложнее, чем какую-нибудь заявку подать.

— Да, точно, — пробормотала Лиза.

Она чувствовала себя максимально растерянной. Всё это время была уверена, что Настя дала ей номер Ильи, а теперь разговаривала с человеком, которого даже не рассчитывала услышать.

Некоторое время они молчали. Лиза не знала, что сказать, а Сева, судя по затянувшейся паузе, тоже не спешил продолжать разговор.

— Ты хотела услышать Илью? — наконец спросил он.

— Да, хотела…

— Я точно не знаю, где он и что с ним. Так что помочь не смогу.

И тут Лиза вспомнила один важный факт о Севе, которому раньше совершенно не придавала значения: он был нейроинженером.

Когда-то давно Сева ушёл из «Контура» и открыл собственную фирму по ремонту и перепродаже старой техники. По крайней мере, так выглядела его официальная деятельность. Среди знакомых ходили слухи, что он продолжает работать с нейронными архивами, занима-

ясь тем, что теперь находилось вне закона, и за определённую плату помогал людям получить доступ к данным, которые им не полагалось видеть.

Лиза не могла вспомнить, откуда именно знала об этом. Возможно, когда-то рассказывала Настя, а возможно, она сама слышала разговоры о его деятельности. Раньше подобные сведения скорее вызвали бы у неё желание обратиться в службу безопасности, сейчас же они показались едва ли не единственным выходом.

— Сможешь, — внезапно уверенно произнесла Лиза.

Всё сложилось настолько просто, что ей даже на мгновение стало легче.

— Что смогу?

— Ты ещё можешь починить старый компьютер?

Сева помолчал.

— Нужно смотреть. А что с ним?

— Давно не включается. Я могу привезти его тебе посмотреть?

— Эм… Приноси. Помнишь адрес?

— Нет, продиктуй.

Лиза записала адрес на планшете и сказала, что скоро будет.

— Прямо сегодня? — удивился Сева.

— Да. А что?

— Ничего. Просто давно не виделись. И компьютер твой, похоже, очень срочно нужно чинить.

— Очень, — ответила Лиза.

Она попрощалась и завершила вызов, не желая больше ни минуты тратить на разговоры.

Её охватило приятное чувство ожидания, словно вот-вот должно было произойти то, чего она давно желала всем сердцем. Возможно, именно Сева был недостающим кусочком пазла, без которого никак не складывалась общая картина.

Лиза накинула куртку, взяла телефон и уже собиралась выходить, когда вспомнила, что совершенно не представляет, где находится названный адрес.

— Мира, проложи маршрут.

— Конечно. Куда поедем?

Лиза продиктовала адрес и направилась к двери, ожидая привычного подтверждения, однако Мира ответила не сразу.

— Лиза, по этому адресу зарегистрирована частная мастерская по ремонту цифровой техники. Ты собираешься туда?

— Да.

— Могу спросить зачем?

Лиза остановилась.

— А какая разница?

— Эта мастерская не имеет лицензии на проведение нейронных коррекций и работу с защищёнными архивами памяти.

— Я знаю, Мира.

— Тогда ты понимаешь, почему я спрашиваю.

Лиза раздражённо выдохнула.

— Мне нужно починить старый компьютер. Надеюсь, для этого у них лицензия есть?

— Для ремонта бытовой электроники — да. Однако ты недавно запросила восстановление защищённых воспоминаний, а сейчас направляешься в мастерскую, которая не предоставляет подобных услуг официально. Я могу предположить, что твоя поездка связана не только с ремонтом.

— И что? Ты собираешься мне запретить?

— Нет, Лиза. Я не могу и не хочу запрещать тебе принимать решения. Но обязана предупредить, что вмешательство в защищённые разделы памяти без предварительной диагностики и медицинского сопровождения может привести к необратимым последствиям.

— Я не собираюсь ничего делать! Я просто хочу поговорить с человеком!

— Хорошо. Я лишь предлагаю сначала дождаться ответа комиссии. Твоё заявление уже зарегистрировано, и…

— Мира, — перебила её Лиза, — сколько дней они будут рассматривать моё заявление?

— По установленному регламенту срок предварительного рассмотрения составляет до тридцати рабочих дней. В отдельных случаях…

— Тридцать рабочих дней, — повторила Лиза. — А сколько мне ещё жить с тем, что я не понимаю, кто я такая? Тридцать дней? Шестьдесят? Год?

Мира замолчала.

Лиза стояла посреди прихожей, сжимая телефон, и вдруг почувствовала, насколько устала от этих разговоров. Все вокруг знали, что ей лучше делать, чего не стоит вспоминать и сколько времени необходимо подождать. Настя, Илья, куратор, а теперь и Мира — каждый по-своему пытался её защитить, при этом никто не собирался рассказывать, от чего именно.

— Я просто хочу узнать правду, Мира. Разве это так много?

— Нет, Лиза, — мягко ответила Мира. — Это совершенно понятное желание. Я лишь беспокоюсь о том, каким способом ты собираешься её получить.

Лиза немного помолчала.

— Проложи маршрут, пожалуйста.

— Хорошо. Маршрут построен. Дорога займёт около сорока минут при текущей загруженности.

— Спасибо.

— Если тебе понадобится помощь, я буду рядом.

Лиза посмотрела на фиолетовую подсветку домашнего терминала. Ей хотелось верить, что Мира действительно всегда будет рядом, как и обещала ещё в детстве, когда Лиза впервые научилась самостоятельно разговаривать со своей нейросетью. Только теперь она всё чаще думала о том, что быть рядом и быть на её стороне — возможно, совершенно разные вещи.